

Владимир Уланов

Бунт 2

Достоинство жизни человеческой в борьбе.

А.Герцен

Часть I

Слава

И человек великий — всего лишь человек.

И. Гёте

1

Утром 21 августа 1669 года большой торговый город Астрахань пришел в необычное оживление. К берегу Волги стекались толпы народа. Здесь были служилые и начальные люди, купцы, приказчики, а больше всего голытьбы, ремесленников, ярыжек, работных людей. Говорливая толпа уже запрудила весь берег у пристани, а народ все прибывал и прибывал. Сегодня Астрахань встречала Степана Разина. По этому случаю люди приоделись в праздничное

платье. Нарумяненные бабы шушукались, вели бесконечные разговоры о красивом и богатом атамане. Мол, ни одна женщина не устоит перед ним, любая влюбится. И каждой хотелось хоть одним глазом взглянуть на необыкновенного казака.

Вот сидит прямо в придорожной пыли седовласый ярыга. Он бос, рубище кое-как прикрывает грязное тело, на шее висит толстая железная цепь с крестом, один глаз закрыт, видно, выбит, другой же бегаёт по сторонам, оглядывая толпу. Мужик громко рассказывает о Степане Разине.

Вокруг седовласого ярыги собралась изрядная толпа, а тот вещал:

— Батюшка наш, атаман Степан Тимофеевич, всегда за простой народ стоит! Защитник он и благодетель! Теперь обидчикам простых людей пришел конец!

— Как же так конец? — поинтересовался кто-то из толпы.

— А так. Бедным людям теперь праздник настал, а богатеньких атаман шарпать будет и посадит в воду!

К мужику стал пробираться сквозь толпу стрелецкий сотник. Подойдя вплотную к говорящему, погрозил ему пальцем и предупредил: «Ты это брось, не трепи зазря языком, а то мы живо

тебя в подвал приказной палаты упрячем».

Голые люди, ремесленники, ярыжки плотной стеной придвинулись к служилому человеку. Кто-то громко прошептал: «Давайте, ребята, вдарим ему дубиной по башке!»

Услышав эти слова, сотник быстро юркнул в толпу и исчез, а седовласый ярыга продолжал свой рассказ:

— Атаман Степан Тимофеевич — защитник наш, чародей и кудесник. Он, когда надо, птицей обернется и рыбой, и зверем каким, чтобы обмануть, обхитрить и победить врагов своих. И нет никакой силы, чтобы поймать заступника и спасителя нашего.

— Да он с дьяволом, наверно, знается, коли оборачиваться может! — крикнул толстый купчина.

— Сам ты дьявол! Кровосос! Вон пузо какое разъел за счет нас, трудовых людишек, — смело ответил седовласый мужик.

— Да я те! — взревел купчина, замахнувшись пудовым кулаком, и пошел на мужика.

— Плывут! Плывут! — закричало несколько голосов в толпе. Разговоры и споры прекратились, все устремили взгляды на реку.

Действительно, из-за поворота реки один за другим выплывали сперва воеводские струги, а затем струги казаков.

— Вот это да! — вырвалось из толпы.

Казацкие струги шли под разноцветными парусами, сделанными из персидских паволок, заморских тканей. Перед изумленными астраханцами проплывали то багряно-красные, то голубые, то зеленые, а то и просто пестрые, разноцветные паруса. Струги подходили все ближе и ближе к берегу. С крепостных стен Астрахани ударило несколько пушек, в ответ бахнули пушечки с казацких стругов и стрелецких лодок.

— Вот те и возьми его, Стеньку! — воскликнул в толпе чернобородый стрелец.

— То говорили вор, государев изменник! А теперь что? Вишь, с какими почестями встречают!

— Сила силу ломит, — ответил рядом стоящий ярыжка. — Погляди, сколько у Стеньки казаков, а богатства!.. А с ним везде дорога!

Струги воеводы Львова пристали к берегу, а лодки казаков поплыли к прибрежному острову.

В стругах сидели разинцы, разодетые в богатые одежды, чем немало вызывали зависти и удивления астраханской толпы. Степан стоял на носу своего струга — высокий, статный, красивый. Он был в одежде, сверкающей золотом и серебром, а его оружие переливалось диамантами и драгоценной насечкой.

Разин снял шапку и стал кланяться во все стороны народу. Люди тянули руки к нему, звали к себе на берег, кричали:

— Слава Степану Тимофеевичу! Слава нашему защитнику и радетелю!

Но казацкие струги так к берегу и не подошли, а проплыли мимо пристани, к острову, и пристали там. Вскоре на нем закипела работа. Казаки стали строить и укреплять свой новый стан.

Атаман Степан Разин и его первый есаул Иван Черноярец придирчиво осматривали работы по укреплению лагеря, заставляя казаков переделывать, где было сделано плохо. Те повиновались, хотя каждого тянуло поскорее в город: людей посмотреть, себя показать. А показывать казакам было что. Лодки у них ломились от добычи.

— Сегодня, Иван, в город никого из казаков не пускать. Так накажи всем есаулам и сотникам, — распорядился Разин.

— А если убежит кто? — спросил Иван.

— А кто убежит, того более в войско не принимать, — решительно сказал атаман и добавил: — Небось, до завтраго не помрут. Степан остановился у вала. Его нагребали казаки и устанавливали на нем пушки:

— Ребята, в город сегодня никому не ходить. Будем укреплять стан и отдыхать, а завтра пойдем в Астрахань. Без дела не пить, а то, неровен час, мало ли что удумают воеводы.

— Любо, батько, правильно говоришь, —

сказал в ответ Ефим.

— На том и порешили! — крикнул Фрол Минаев. — До сроку в город не ходить!

Степан Разин еще раз обошел и придирчиво осмотрел новый лагерь, затем отправился к себе в шатер, который казаки уже установили на самом высоком месте. Атаман шел к себе не спеша, думая о княжне, к которой он сильно привязался, и вдруг услышал у себя за спиной громкий шепот — то ли Фрола Минаева, то ли Якушки Гаврилова:

— Опять батько к этой басурманке идет. Забыл с ней нас атаман. Даже чарку с нами выпить не хочет. Чуть что — спешит уединиться с этой бесовкой.

Степан резко повернулся, чтобы узнать, кто же это ведет такие речи, но казаки были заняты каждый своим делом, как ни в чем не бывало. Разин в душе рассмеялся: «Вот же люди, понахватали себе ясырок, добра всякого — и ничего, а атаману даже бабу завести нельзя. Будто я не казак, как все! Будто мне ничего не надо, окромя моих разлюбезных есаулов и казаков. Хвали их, уважай, будут радоваться, как малые дети, а посмотрел косо, словно ударил. Им нужна ласка атамана, а меня кто приласкает?» Атаман грустно улыбнулся от пришедших мыслей, заглянул в шатер. Здесь было все, как прежде, но княжны не было видно. Степан вошел, в тревоге оглядел все углы, но

персиянки нигде не было. Расстроенный, вышел из шатра и поспешил к своему стругу. По пути к нему подошел Иван Черноярца. Увидев встревоженное лицо Разина, сразу же догадался, в чем дело, но с улыбкой спросил:

— Куда-то поспешаешь, Степан Тимофеевич?

Заслышав в голосе Черноярца насмешливые нотки, Степан круто развернулся к рядом идущему есаулу и, тяжело дыша ему в лицо, хрипло проговорил: «Где княжна?». Рука атамана потянулась к сабле.

— На струге она, Степан Тимофеевич.

— Почему там, а не в шатре?

— Не хочет уходить с него, царапается, кусается, плачет и никуда не идет. Мы бились, бились и оставили ее там. Я сразу тебе сказать решил, да забыл, — Черноярца хотел еще что-то сказать атаману, но Разин не стал слушать его и чуть ли не бегом поспешил на свою лодку.

Есаул остановился и задумчиво покачал головой: «Приворожила, что ли, его эта чертова басурманка? И что он в ней нашел? Совсем голову с этой бабой потерял».

По скрипучему мосточку Степан Разин вбежал на струг, кинулся в помещение, где находилась княжна. Та, завидев атамана, бросилась ему на шею, обвила его гибкими, горячими руками,

стала целовать в губы, бороду, усы, лепетать персидские и русские слова.

Разин взял княжну на руки и, как ребенка, понес в шатер. Женщина была легкая, как пушинка. Она продолжала что-то говорить, осыпая поцелуями бороду и лицо Степана. Из слов княжны Разин понял, что она не хотела уходить со струга, потому что подумала, будто казаки хотят вернуть ее отцу, а она не хочет от него, атамана, уходить.

«Надо поговорить с есаулами: пусть бабу не трогают. И что они на нее ополчились? Каждый хочет за тебя кукарекнуть», — со злобой подумал атаман.

С княжной на руках проследовал он почти через весь стан в свой шатер. Казаки, приостановив работу, следили за атаманом: кто с понимающей улыбкой, кто ревниво, кто с завистью. А когда Разин скрылся в шатре, один из казаков в досаде сплюнул на землю, пробурчав: «Не гоже атаману баб по казацкому лагерю таскать», — и с остервенением снова взялся работать.

Стоящий рядом Леско Черкашин ответил казаку:

— А ты хочешь, чтобы батько тебя на руках носил да в плешину целовал! Сколько у тебя ясырок? — напористо спросил Леско.

— Четыре, — потупясь, ответил казак.

— Во, ребята, у него четыре ясырки! Погляди,

коза, на свои глаза! А у батьки одна баба завелась, а он уже плюется! Пусть атаман потешится!

Казак махнул рукой и отошел подальше от Лески, чтобы более не спорить. А Черкашин плюнул в досаде ему вслед, молвив:

— Ишь, судитель нашелся! Батьку оговаривать!

Подошел Фрол Минаев и поинтересовался:

— Что ты тут кричишь, Леско?

— Да вон тот про батьку нашего гутарит плохое, вздумал его оговаривать, — и показал на отошедшего казака.

Вглядевшись в казака, Фрол воскликнул:

— Это же Афанасий Козлов. Давненько я уже замечаю, что он атамана нашего всячески оговорить хочет!

Фрол решительно направился к Афанасию, решив все-таки выяснить с ним все до конца.

Завидев, что Фрол Минаев идет к нему, Козлов быстро попятился к берегу острова и юркнул в кусты.

— Стой! Стой! Козлов! — закричал Фрол Минаев и побежал туда, где скрылся Афанасий. Кинулся за убегающим, но кругом были непроходимые кусты и сухие высохшие сучья. Вдруг есаул услышал легкий всплеск воды у берега острова. Фрол побежал к берегу, но было уже поздно. Легкая лодочка отчалила от острова и

стремительно помчалась в сторону Астрахани. Минаев выхватил из-за пояса пистолет, выстрелил вслед уплывающему. Но так как лодка была уже далеко, стрелок промахнулся, однако, всполошил весь лагерь.

Где-то в глубине острова закричали: «Ребята! Стрельцы с боем идут!»

Фрол поспешил в лагерь чтобы успокоить казаков. Когда он прибежал к шатру Разина, тот уже отдавал распоряжения есаулам, как вести оборону.

— Батько! — крикнул Фрол. — Напраслина это все! Нет стрельцов! Это я стрелял!

— Зачем зря палишь? — сердито, но с облегчением спросил атаман.

— Гад тут один на лодке в Астрахань убег. Хотел его пристрелить, да далеко уплыл. Не попал, — с сожалением ответил Фрол.

Степан пожурил Фрола, но к ночи распорядился выставить вокруг острова усиленный караул. Хоть и была у Разина царская грамота, но где-то в глубине души таились тревога и неверие в царское прощение.

2

Услышав выстрел, Афанасий Козлов, не оборачиваясь, что есть сил, стал грести к

противоположному берегу. Расстояние быстро сокращалось. Уже перед астраханской пристанью Афанасий перевел дух, оглянулся, чтобы посмотреть, нет ли погони. Но сзади никого не было. На острове, где разбили казаки свой лагерь, стояла тишина. Козлов облегченно вздохнул, осмотрелся, обдумывая, куда же лучше причалить. На пристани кое-где еще находились небольшие кучки бедного люда, не спешившего по домам и надеявшегося, что кто-нибудь из казаков все-таки поплывет в город.

И когда от острова отошла лодка Козлова, многие обратили на нее внимание. Афанасий сперва попытался причалить там, где нет людей. Это ему не удалось, так как, куда бы он ни направлял свое судно, туда и бежали астраханцы. В конце концов, Козлов решил причалить, где придется, и поплыл к пристани. Не успел он пристать к берегу, как тут же около него собралась толпа из рабочих, нищих и убогих. Люди плотно обступили казака, бесцеремонно его рассматривали, щупали одежду, оружие. Кто-то спросил: «Эй, казак, почему один приплыл? Где остальные?».

Козлов не знал, что ему ответить, и попытался вырваться из плотного кольца толпы, но его не выпускали, стараясь удержать, расспросить.

Наконец, казак сообразил, что надо делать. Он, приняв серьезный и решительный вид, резко

сказал: «Геть, люди! Недосуг мне тут с вами. Атаман Степан Тимофеевич послал меня с делом. Дайте дорогу!» — и решительно направился к городу. Толпа расступилась, ничего больше не спрашивая у казака. Козлов сразу же направился к приказной палате. Ему нужно было встретиться с дьяком Игнатием, а затем и с воеводой астраханским по поручению войска Донского, чтобы вести тайный разговор. Взойдя на крыльцо приказной палаты, казак остановился в нерешительности. Вот из двери вышел стрелецкий сотник, и Афанасий обратился к нему:

— Скажи, служилый, где я смогу свидеться с дьяком Игнатием?

Сотник оглядел Козлова с ног до головы и спросил строго:

— А по какому делу?

— Надобно, служилый, по очень важному.

Гонец я.

Сотник огляделся и, увидев проходящего мимо стрельца, крикнул:

— Эй, Гришка! Иди сюда!

Молодой человек рысцой подбежал к сотнику.

— Проводи этого человека к дьяку Игнатию.

Служивый быстро довел Афанасия до дома Игнатия, постучал в высокие тесовые ворота. Никто не открывал, только лаяли цепные псы. Но вот что-то забрякало, заскрежетало, ворота открылись,

появился сам дьяк. Увидев стрельца и незнакомого человека, спросил:

— Что надобно?

Стрелец, поклонившись в пояс, ответил:

— К вам гонец.

Игнатий внимательно взгляделся в Афанасия, спросил:

— Из казаков, что ли?

— Из казаков, — ответил Козлов.

Дьяк, отослав стрельца, завел Афанасия во двор, усадил на деревянную скамейку, присел рядом, заговорил:

— Откуда же ты, казак?

— Из войска Степана Разина, но с делом от Корнилы Яковлева.

— Вот как! — изумился дьяк, внимательно оглядывая Козлова.

— Я был у Разина по поручению атамана войска Донского, а вот сегодня пришлось бежать.

— Почему так?! — заинтересовался дьяк.

— Раскусили меня казаки, даже застрелить хотели, вот и пришлось спешно уходить. А теперь помоги мне, дьяк, укрыться от разинцев, так как завтра они придут в город и если меня найдут, то убьют.

— Не горюй, казак. Это мы устроим, — ответил Игнатий. — Ни один вор тебя не сыщет. А может, сегодня отправишься в Черкасск? Сейчас же

сведу тебя с одним человеком. Очень надо ему с тобой поговорить. Жди меня здесь. Я сейчас, — и дьяк исчез в дверях своего дома. Вскоре он появился, сказав: — Наказал я своим дворовым, чтобы дело по хозяйству вели, видно, придется там задержаться.

Игнатий повел Колзова по городу. Вскоре они пришли к небольшому дому с высоким глухим забором. Дом утопал в саду. Уже поспевшие красные яблоки свисали с деревьев, распространяя приятный аромат.

Дьяк дал три коротких удара в тесовые ворота. Долго никто не открывал. Игнатий постучал еще громче, за забором, наконец, послышались шаркающие шаги. Ворота отворились, и пришедших впустил широкоплечий, с рыжей окладистой бородой мужик. Поклонившись Игнатию в пояс, сказал: «Пожалуйте в дом, хозяйка в горнице».

Дьяк и казак прошли в горницу, остановились при входе. В светлой комнате за большим столом сидели Анна Герлингер, Иван Семенович Прозоровский и Данило Романыч, брат хозяйки. Стол был накрыт богато. В центре стояли в серебряных вазах фрукты, печенье, в кубках — заморские вина, а в яндовах — резкие прохладные меды. Игнатий подошел к воеводе и зашептал ему что-то на ухо, то и дело показывая на Козлова, а

тот, внимательно разглядывая казака, кивал головой. Выслушав дьяка, Прозоровский велел отвести сбежавшего разинца на кухню, накормить, сводить в баню, а затем пожелал с ним побеседовать.

Наступил вечер. Солнце закатилось, только его последние лучи из-за моря освещали причудливые облака на небе. Где-то вдали сгущались сумерки, молнии сверкали все ярче и ярче. Надвигалась гроза. Раскаты грома, сперва гроыхающие где-то вдали, приближались. Сверкнула яркая молния, осветив все добела, а затем, как будто расколосось небо, треснув так резко, так громко, что казалось, вот-вот лопнут перепонки в ушах. Гроыхнуло раскатисто, гулко, как бы сердясь и неистовствуя.

Козлов, уснувший после бани и сытного обеда, проснулся в небольшой комнатушке, которую ему отвела хозяйка. Казак зажег свечу, стоящую на окне, затем опять прилег на скрипучую кровать, прислушался. На улице свистел ветер, редкие капли дождя тарабанили по слюдяному окну. Незаметно для себя он стал думать о своем положении. Афанасий понимал, что разинцы теперь считают его изменником и что Фролу Минаеву, всем ближним есаулам Разина, да и самому атаману на глаза лучше не показываться. Жизнь его в опасности. Хорошо, что Разин и его есаулы не

знают об истинной цели его пребывания в войске и участия в персидском походе. А сейчас он, Афанасий, претерпевший столько лишений с разинцами, перенесший разгром под Рештом и Миян-Кале, бросил свой дуван и все свое добро, добытое в походе саблей.

Хотелось Козлову вернуться на Дон вместе с Разиным, самому привезти свою добычу, да вот не вышло. Пришлось бежать из-за Фролки. Козлов заскрежетал зубами: «Ну, Фролка! Я еще сочтусь с тобой! Неровен час!».

Между тем на улице бушевала гроза. Молнии беспрестанно сверкали, слепя глаза, были слышны глухие раскаты грома.

Заскрипела дверь, и в комнату к Афанасию вошли воевода Прозоровский и Данило. Вошедшие присели на лавку у стола.

— Много ли народу у Стеньки? — сразу же спросил воевода.

— Около тысячи человек. Многих атаман потерял в персидском походе, но остались самые матерые казаки, — ответил Афанасий.

— Что говорит вор Стенька про царскую грамоту? И думает ли он идти на Дон? — опять задал вопрос Прозоровский.

— Про то мне неведомо. Атаман — человек скрытный и доверяет мысли свои только ближним и проверенным есаулам — и то не всем. Очень хитер

Разин, и понять его трудно. Он может говорить одно, а делать другое. А вот казаки хотят домой на Дон, рады они милостивой царской грамоте, рвутся в свои станицы, — ответил Козлов.

— Легко ли вступить в войско Донское? — спросил Данило.

— Для голых, нищих и убогих легко, но для богатеньких трудно.

— Почему? — удивился Данило.

— Потому что с каждым новым человеком Разин сам разговаривает, расспрашивает его, и, если кто начинает кривить душой, атаман сразу же это чувствует, а тогда беда такому человеку. Нюх особый у Разина на людей, — ответил казак на вопрос Данилы.

— Сносился я с Корнилой. Он говорил, что есть, мол, у него человек у Разина, а кто таков — не сказал, вот теперь свиделись. Сегодня же ночью отправишься в Черкасск и передашь эту грамоту войсковому атаману Михаилу Самарину, да смотри — не потеряй, — предупредил воевода.

Козлов осторожно взял свиток и положил за пазуху.

— Много ли добра везет Стенька с собой? — поинтересовался князь-воевода.

— Барахла атаман привез изрядно. Это — зер, серебро, узорочья, ковры, дорогая посуда, заморские ткани. А также много ясыря. Себе завел

наложницу — княжну, дочку хана, и она в нем души не чает.

Прозоровский с удивлением поднял бровь, переспросил:

— Неужели, правда, княжна?

— Да, княжна.

— Как ты думаешь, Афанасий, возьмет атаман Данилу к себе на службу — казаком?

Козлов внимательно оглядел Данилу и ответил:

— Возьмет! Мужик он крепкий, таких атаман жалует. Вот только переоденьте его в рубище, и хорошо, если бы в городе никто не знал его в лицо, а то соглядатаи Разина узнают, кто он таков.

— Не знает его в Астрахани: до поры до времени на людях не бывал. А теперь настал его час, — сказал воевода.

— Что же, коли нужно, послужу нашему государю Алексею Михайловичу, — сказал Данило.

Анна внесла на серебряном подносе кубки с вином, жареное мясо, а следом вошла девка с узлом одежды для Козлова. Как только женщины удалились, воевода заторопил казака:

— Побыстрее одевайся, скоро придет полусотник со стрельцами, проводят тебя из города, выведут на путь к Дону, а там скачи — пробирайся сам, но грамоту береги.

Афанасий встал, быстро облачился в кафтан,

сверху набросил коц, надел баранью шапку, сапоги, пристегнул саблю, сунул за пояс кинжал и пистоль.

За дверью громко крикнули: «Поспешайте с казаком-то!».

Открыв дверь, Данило крикнул в темноту:

— Казак готов, уже идет.

Козлов, было, шагнул к двери, но воевода остановил его:

— Подожди, казак, выпей-ка вина на дорогу

— и с богом.

Афанасий чуть пригубил вина, поставил кубок на стол, в пояс поклонился Прозоровскому:

— Спасибо вам за все, князь-воевода Иван Семенович!

— С богом! — ответил воевода. — Передай атаманам войска Донского, что Стеньку мы пропустим на Дон через Астрахань по велению государя нашего, но они пусть там более ему воли не дают.

3

День выдался погожий. Нежаркое августовское солнце еще пригревало, но не было летнего зноя. Деревья и кустарники по берегам Волги и островам тронула легкая позолота. Река была тихая, ее зеркальная гладь как бы затаилась, ожидая чего-то необыкновенного.

И вот эту торжественную тишину начинающегося дня нарушили плеск воды от множества весел, говор, смех, шутки. Это с острова на астраханскую пристань выплывали лодки. Казаки, одетые в дорогие одежды, плыли важно, не спеша. Сегодня для них был желанный душе праздник. Они благополучно добрались в русские пределы, пройдя большие лишения, смерть, горечь неудач и побед. Сейчас в загрубевших руках казаки держали заморские товары, узорочья из зера, серебра, дорогих камней, дорогую посуду, искусной работы ковры, ткани.

Первой к пристани пристала лодка есаула Фрола Минаева, где были близкие люди атамана — Ефим, Еремка, Федор Сукнин, Иван Серебряков, Иван Чемкиз, Алексей Каторжный, Лазарь Тимофеев и другие.

Вышедших на берег казаков сразу же окружила толпа голутвенных и простых людей Астрахани. Не торопясь, степенно, не обращая внимания на окруживших их горожан, разинцы стали выгружать свои товары для торговли. Ефим взвалил себе на плечи огромный ковер, в руках держал тюки шелковой ткани. За ним в город потянулись другие казаки.

Лодки все плыли и плыли к берегу. Вновь прибывших тут же перехватывали горожане, предлагали вино, деньги, снесь за заморские

товары.

Ефима тут же перехватил юркий, подвижный, небольшого роста купец.

— Пстой, казак! — кричал он, семеня за Ефимом. — Пгодь же, я тебе говорю!

Ефим остановился:

— Чего тебе надо? Говори, а то мне недосуг тут с тобой! Вишь, ноша какая.

— Чего хочешь за ковер? Продай! — взмолился купец, оглядываясь вокруг, боясь, как бы не перехватил кто драгоценный товар.

— Бочку вина! — ответил богатырь.

— Сейчас, казак, будет тебе бочка вина. Кузьма! — крикнул что есть мочи купец приказчика.

Подбежал юноша.

— Кати быстрее бочку вина, самого лучшего — вот этому казаку!

Приказчик убежал выполнять просьбу хозяина.

— Покажи, казак, ковер-то, — попросил купец.

Ефим расстелил рытный ковер персидской работы. Он был так красив, что торговец даже зажмурился.

— Беру, казак! Беру товар!

— Бери, бери! Только где ж вино? — поинтересовался Ефим.

— Вон оно, уже катят, — указал купец в сторону. Действительно, от небольшого деревянного сарая два мужика и приказчик катили бочку с вином.

— Забирай барахло! — небрежно сказал Ефим и пошел навстречу катившим бочку, остановил их, взяв одной рукой ее за край, поставил на попа. Размахнувшись, хряснул пудовым кулаком по бочке сверху, выбил доски, крикнул стоящим рядом казакам: «Дайте посудину!». Просьба была мигом выполнена, казаки притащили ковш. Ефим наклонил бочку, налил вина, присел рядом и, жмурясь от яркого солнца, стал пить. Потом, оторвавшись на время от питья, крикнул приплывшим вместе с ним в лодке казакам:

— Пейте, ребята! Угощаю!

Астраханцы, окружив Ефима, дивились аппетиту казака. А тот с наслаждением пил, щурясь от солнца. Потом, завидев крамарку с пирогами, поставил рядом питье, крикнул:

— Эй, крамарка! Красавица! Хороши ли у тебя пироги? Горячи ли?

Полная круглолицая женщина живо подошла к казаку, хваля свой товар:

— Бери, казак, пироги! Душистые, горячие, с мясом, сытные!

Ефим забрал у нее корзинку с пирогами, всыпал женщине в руки горсть золотых монет. Та

от удивления даже рот разинула, не зная, то ли правда ей казак столько платит, то ли шутит.

— Бери. Бери, крамарка, — успокоил Ефим.

Женщина живо спрятала деньги за пазуху, все еще боясь уйти.

— Еще, что ли, хочешь? — спросил Ефим, беря в руки ковш. — Могу еще дать, если скажешь, где живешь.

Женщина застеснялась и скрылась в толпе.

— Вот жизнь казацкая: пьют и едят сладко, а богаты!.. — сказал с завистью кто-то из голытьбы, окружившей разинцев.

— Это Стеньки Разина работнички, им все можно, они жизнь себе такую в походе добыли.

Ефим отставил ковш в сторону, крикнул:

— Пей, честной народ, вино! Я угощаю! — и подошел к стоящему одиноко в стороне Федору Сукнину.

— Что, Федор, вино не пьешь? Что грустишь, есаул?

Федор, хмурясь, ответил:

— Не до того мне, Ефим, сказывал на днях атаман, что будто где-то тут моя женка с детками в остроге томится. И теперь ума не приложу, как ее разыскать.

Ефим подошел к Еремке, взял из рук его недопитую яндову, выплеснул остатки вина на землю, снова зачерпнул полную посудину, подал

есаулу: «Пей, Федор, а тогда поговорим, где твою женку искать». Федор выпил вино, отдал Еремке яндову.

В это время к ним подошел крепкий мужик, голубоглазый, в рубище:

— Скажите, казачки, где ваш атаман?

Федор и Ефим переглянулись.

— Нашто он тебе?

— Хочу в казаки податься, — ответил мужик.

— Как кличут-то тебя, сердешная душа? — поинтересовался Ефим.

— Данилой кличут, а по отцу Романов сын.

— Али судьбинушка плоха у тебя, али забижал кто? Пошто в казаки решил податься?

Данила нахмурился, на глаза у него навернулись слезы, стал рассказывать про свою судьбу:

— Жил я, братцы, у помещика под Казанью. Жена, детки были. Замучил нас лютый помещик поборами да работой на его земле. А моя земелька захирела, так как работать на ней некому было. Не запаслись мы в тот год хлебом, а зимой случился голод: умерли от бескормицы и болезней мои жена и дети. Озлобился я тогда, подкараулил своего барина и порешил, а сам подался сюда. Прослышал про вашего атамана, что всех обиженных и несчастных берет в войско к себе.

Вздыхнул Федор Сукнин и сказал:

— Тяжела твоя жизнь, человек. Быть тебе в казачестве, идем с нами в город, не отставай от нас, а когда вернемся на остров, батько сам с тобой поговорит и решит, быть тебе казаком или нет.

— Ребята, бросьте вино пить, айда в город! — крикнул Ефим казакам, прибывшим с ним на пристань в одной лодке.

Разинцы веселой гурьбой направились к воротам Астрахани.

А вокруг кипела торговля, казаки, еще не доходя до стен города, сбывали свой товар. Продавали барахло, не торгуясь, скупали нужные им вещи, покупали вино, еду. Кое-где хлебнувшие вволю вина разинцы уже горланили песни. Но вели себя пристойно, по строгому наказу атамана, горожан не трогали, служилых не задирали.

— А почему батько сам не пошел в город? — вдруг спросил Иван Чемкиз.

— Сегодня недосуг ему.

— Это почему же? — спросил Каторжный.

— Наверно, с княжной тешится, — с недовольной ноткой в голосе сказал Фрол Минаев.

— Может, тешится, а может, и нет. Погодить ему надо. Мало ли что воеводы задумали. Надо быть настороже. Правильно атаман решил пока не ходить в город. Мы ходим — посмотрим, а там видно будет, — ответил всем Леско Черкашин.

Все смолкли, не говоря больше об атамане,

хотя каждый думал о нем, проклиная басурманку, которая словно околдовала Разина в последнее время, — да так, что не отлучался он от нее, а если и шел выпить чарку с есаулами, то спешил опять к ней, словно чего-то боялся.

По улицам Астрахани шел торг. Праздничные толпы людей окружали казаков, разглядывали их, словно неведомых заморских гостей. Городской люд с ними торговался или пил чарку задарма. Казаков расспрашивали о походе, о неведомых странах, о житье в войске, а самое главное, об их атамане — необыкновенном и славном человеке, защитнике народном.

На угощение разинцы не скупились, товары сбывали за бесценок, приглашали к себе в войско — в казаки.

Войдя в город, Федор Сукнин, несмотря на уговоры своих товарищей, направился к острогу. Ефим не захотел оставлять его одного в горе, пошел с ним, а за ними увязался их новый знакомый Данило.

Подойдя к высоким воротам острога, казаки огляделись. Федор Сукнин подошел к воротам и затарабанил рукоятью сабли в кованые железом ворота. Бил долго и неистово. Вдруг в воротах открылась небольшая дверь, из нее вышло трое стрельцов, один из них грубо спросил:

— Что вам, казаки, надобно, чего бахаетесь в

ворота? Не в острог ли захотели?

— Ребята! — взмолился Ефим. — Не сидит ли у вас в остроге женщина с детишками? Ее Марией Сукниной кличут.

Все тот же стрелец ответил:

— Не слышали про такую, да и мало ли тут их, сердешных, мается, про них нам неизвестно, об этом один дьяк Игнатий знает.

— Где же мне ее теперь искать? — с дрожью в голосе сказал Сукнин и сник, ссутулившись.

Стрельцы с сочувствием посмотрели на него, один из них спросил:

— Жена, что ли?

— Жена, жена, ребята! — ответил за Федора Ефим.

Вдруг один из стрельцов, который был помоложе, сказал:

— Кажись, я припоминаю, была такая в остроге. Ее еще дьяк пытал, а потом мы свели ее на воеводский двор, но деток при ней не было. Может, не она, — засомневался стрелец, — только говорили все, будто эта казачка — жена есаула.

Сукнин востропел, почти закричал:

— Говорите, где воеводский двор? Сказывайте побыстрее!

— Эх, казачки, туда вас не пустят. Сегодня воеводский двор сотня стрельцов охраняет, так что лучше туда не ходите, — посоветовал один из

стрельцов.

— Сказывайте где? — настаивал Сукнин.

— Зря, ребята, идти собираетесь. Нет ее теперь в живых, — сказал все тот же молодой стрелец.

— Как это нет! — закричал Сукнин, хватаясь за саблю.

— Разговаривал я дня три назад с конюхом воеводским, он и сказывал, что довели будто бабу до того, что она повесилась.

Федор Сукнин потемнел лицом, прислонился спиной к стене острога, медленно опустился, содрогаясь в рыданиях, сел на камень, лежащий тут же, у стены, уронил голову на руки и затих.

Стрельцы в замешательстве затоптались на месте, Ефим и Данило подошли к есаулу, взяли его под руки, пытаясь поднять на ноги.

— Да идите вы к...! — закричал Федор, снова сев на камни, беззвучно плача.

— Ладно, не трожь его, — посоветовал Данило Ефиму, — пусть поплачет — легче будет.

— А дети-то ее где? — снова подступил с вопросом к стрельцам Ефим.

— Сказывал конюх, что будто продал деток персидским гостям дьяк Игнатий, — ответил молодой стрелец.

Заслышав это, Федор соскочил с камня, выхватил из дорогих ножен саблю, закричал:

— Где этот дьяк живет, сказывайте! — и пошел с обнаженной саблей на стрельцов. Те быстро юркнули в небольшую дверь и задвинули засов.

Федор стал ломиться в ворота, крича: «Скажите, где он живет!».

Вокруг стала собираться толпа горожан, стрельцов. Ефим схватил в охапку есаула и, как только тот ни отбивался, поволок его на другую улицу, уговаривая: «Погодь, Федор! Погодь! Мы еще вернемся сюда, отомстим им за все, и за твою женку, и за деток твоих!».

4

Степан Разин не спешил появляться в городе. Только лишь разговаривал кое с кем из казаков, интересовался, как приветили их там, как идет торг, не обижают ли их служилые и городское начальство.

Казалось, что Астрахань атамана не очень-то интересуется, что занят он, в основном, с молодой княжной. И, действительно, атаман с ней возился, как с ребенком. То уложив персиянку на пуховую постель, забавлял ее драгоценными узорочьями, то носил по шатру на руках, целуя в губы, то она, обвив его руками за шею, серебряным гребешком расчесывала ему бороду и звонко хохотала.

Казаки недоумевали, говоря меж собой:

— И что это батько в город даже не кажется, не погуляет с нами по Астрахани?

— И что он нашел в этой бабенке? Ни тебе груди, ни заду, тонкая и гибкая, как змея?! — с сожалением как-то заметил Иван Красулин.

— Погодите, ребята, дайте срок. Появится еще атаман в городе, нагонит страху на воевод, — успокоил всех Фрол Минаев.

— Даже не верится, что так будет, — засомневался Иван Чемкиз и ревниво добавил: — Правду, говорит Иван Красулин, нашел он что-то в этой басурманке, ни на шаг от нее не отходит, — и, плюнув на землю, добавил в досаде: — Будь она неладна!

— Смотрите, ребята, однако, батько пожаловал на берег! — крикнул кто-то из казаков. Все обернулись туда, куда показывал казак.

Степан Разин в сопровождении ближних есаулов шел к своему стругу. Казаки мигом устлали лодку дорогими коврами. Атаман, поддерживаемый с боков казаками, вошел по шаткому мостку на свой струг, уселся на носу лодки и крикнул:

— Отчаливай, казаки! Поплывем в гости к воеводам в Астрахань!

Ударили весла, помчался атаманов струг к астраханской пристани. Ефим, хватив чарку вина, подмигнул казакам, взъерошил русые кудри и

запел:

*А и теща, ты теща моя,
А ты чертова перечница!
Ты поди, погости у меня!
А и ей въехать не на чем!
Пешком она к зятю пришла...*

Астраханцы у пристани, увидев атаманов струг, собрались в толпу и с нетерпением ждали, когда причалит эта лодка. По городу прошел неведомо кем переданный слухок: «Разин плывет!». Отовсюду спешил на пристань народ, чтобы воочию увидеть необыкновенного атамана. Неизвестно откуда выползли на свет нищие, голые и работные люди. Также пришли взглянуть на Разина богатые купцы, приказчики, стрелецкое начальство, иноземцы.

Анна Герлингер тоже явилась на пристань, чтобы поглядеть на атамана и убедиться — у казаков ли ее брат Данило, жив ли он, или сгинул куда.

Наконец, к пристани причалил первым атаманов струг, а за ним еще несколько лодок. Разин степенно сошел на берег, поклонился в пояс народу, молвив:

— Здравствуйте, астраханские люди!

— Здравствуй, батюшка Степан Тимофеевич,

радетель наш и защитник! — кричал в ответ народ.

В окружении ближних казаков пошел Разин сквозь расступившуюся толпу, разбрасывая горстями золотые и серебряные монеты.

Люди тянули руки к атаману, старались коснуться рукой его одежды, плакали в умилении, кричали:

— Слава Степану Тимофеевичу! Слава нашему защитнику и благодетелю!

Анна Герлингер старалась тоже протиснуться сквозь толпу, разглядеть атамана поближе. Приложив большие усилия, женщина все-таки пробралась к Разину, а когда толпа расступилась, пропуская его и есаулов к городу, Анна оказалась в первых рядах, и сразу же ее глаза встретились с глазами Степана Разина. Взгляд атамана был пронзителен, в нем играли искорки, но он не пугал ее, а притягивал. У женщины от этого взгляда как будто что-то дрогнуло в душе. Анне вдруг захотелось быть рядом с этим сильным человеком и еще глубже заглянуть в его темные, необыкновенные глаза.

Разин на секунду задержал взгляд на Анне, немного задел женщину, проходя через узкий проход расступившейся толпы. Анна Герлингер стала разглядывать сопровождающих Степана есаулов и среди них увидела Ивана Красулина. От удивления женщина даже приоткрыла рот,

прошептала: «Так вот куда пропал мой миленок! А люди говорили черт знает что!». Вспомнив свою давнюю любовь с этим могутным стрельцом, Анна затрепетала, и сердце гулко и учащенно забилося в груди. Женщина с дрожью в голосе крикнула: «Иван!».

Красулин, идя рядом с ее братом Данилой, оживленно о чем-то говорил, не обращая внимания на крик Анны. По-видимому, не расслышал он зова своей давней зазнобы.

Анна опять крикнула: «Иван! Иван Красулин!».

Казак встрепенулся, заслышав давно забытый голос, огляделся по сторонам. Наконец, встретившись взглядом с кричащей женщиной, Красулин узнал Анну, подошел к ней, ласково обнял, прошептал ей жарко на ухо: «Жди меня вечером! Приду погостить!» — и улыбнувшись, заспешил за атаманом.

Горячей волной пробежала по телу Анны истома от будущей встречи с молодым есаулом Разина. Вспомнив, что сегодня же вечером к ней должен прийти Прозоровский, Анна Герлингер поспешила в город, чтобы послать свою работницу по дому к воеводе и передать, что она занемогла и просит князя к ней не приходить. Идя домой, думала, что сделать такое, чтобы Красулину было у нее хорошо: «Перво-наперво, нужно баньку жарко

истопить; приготовить разных закусок, солонины побольше, любит Иван особенно грибы и рыбку; достать надобно из погребов холодных медов, винца заморского».

Степан Тимофеевич шел по Астрахани не торопясь, часто останавливался, разговаривал с простым народом, одаривал нищих и убогих, а богатых, словно не замечал, хоть и лезли они на глаза атаману, пытались заговорить, оказать любезность. Остановился Степан для беседы с простыми горожанами:

— Как поживаете, честной народ? Хороша ли жизнь у вас под воеводами?

Хитровато прищурившись, на то ответил ему рыжий мужик:

— Наказал бог народ да послал воевод! Тяжело, атаман, нам живется под ними. Забижают они нас, простых людишек. Без меры поборы берут, а если не выступишь, палками по пяткам нещадно бьют!

— Не вольны мы сами себе! — включился в разговор еще один мастеровой, по виду кузнец.

— Пора бы, братцы, за топоры браться, — возбужденно молвил еще один горожанин.

— Это вы добре мыслите, ребята! — похвалил астраханцев Степан. — Только за такое великое дело надобно браться с умом!

— Правильно говоришь, Степан

Тимофеевич, — поддержал Разина рыжеволосый мужик. — Вон какая сила у воеводы Прозоровского. Стрелецкие полки аж с самой Москвы, говорят, пришли!

— А вы готовьтесь, перетягивайте на свою сторону людишек поболее. А когда придет пора, ударит час, выступите все, как один: большою силою! Знайте, ребята, мы еще придем к вам и затеем такое дело... — закончил беседу атаман и подмигнул мастеровым.

— Когда ждать-то? — спросил один из астраханцев.

— Скоро, — ответил на то атаман и пошел дальше по городу в сопровождении казаков.

О пребывании Разина в городе Прозоровском постоянно сообщали истцы. Знал князь-воевода, что говорил Разин со многими людьми в городе, и даже знал, о чем говорил атаман, но ничего поделывать против казаков не мог. Царская грамота о прощении их грехов связывала ему руки. Иногда, правда, была у воеводы мыслишка окружить казаков на острове да побить всех до единого, но разумом понимал опасность этой затеи: а как не побьет казаков, да астраханский простой народ, да шатающиеся стрельцы Разина поддержат? Тогда что?.. Нет, Разина трогать не надо. Опасно это! Надобно хитростью выманить у него поболее привезенных из похода богатств, прибрать его

пушки, вернуть пленных, тогда пусть идет к себе на Дон.

Князь воевода поджидал сегодня Разина. Приоделся. Велел накрыть стол в приказной палате, поставить побольше водки да медов. Мечтал все дела решить одним махом.

Но атаман так и не явился к воеводе, обошел весь город, одарил простой народ деньгами, дорогими тканями, узорочьем, а ему, воеводе, и подарка не принес, не поклонился в пояс. Ходил в волнении и злобе по приказной палате Прозоровский, разговаривая сам с собой: «Ах, ты, атаманишка паршивый, не захотел ко мне, к воеводе, на поклон прийти! Ну, погоди! Ну, погоди! — все больше распаял сам себя воевода. — Прикажу своим людям чинить тебе в делах всякую волокиту, тогда посмотрим, как ты запляшешь, как приползешь ко мне на пузе, паршивец этакий!».

Скрипнула дубовая дверь, в палату проскользнул дьяк Игнатий. Раздраженный воевода побагровел лицом, крикнул:

— Чего тебе надо?!

— Я..., я..., я..., — заякал перепуганный дьяк и замолчал.

— Вон! Сволочь! — взревел князь и, схватив со стола серебряный поднос, запустил им в дьяка. Поднос ударился в дверь, со звоном упал, а дьяка

Игнатия как ветром сдуло. На шум прибежал князь Львов.

— Чего шумишь, Иван Семенович? Дьяка Игнатия до полусмерти напугал. Я уж думал, ты тут Разина громишь, — сказал князь, улыбаясь, и догадавшись, в чем причина гнева Прозоровского, успокоил:

— Придет еще к тебе казацкий атаман. Не минует он нашей приказной палаты. Куражится Разин.

— Всыпать бы этому атаману! — с раздражением сказал Прозоровский. — Да нельзя: царь не велит.

— Не горячись, Иван Семенович, успокойся. Лучше вели усилить охрану города. И стрельцам надобно запретить с казаками разговоры вести. Хоть это и трудно, но надо заставить сотников зело следить за стрельцами.

Прозоровский тяжело вздохнул, сказал:

— Черт их, этих стрельцов, охранит от вора. Так и норовят к казакам уйти, так и заглядывают в рот атаману. За каждым не уследишь. — Помолчал, потом попросил Львова: — Кликни-ка мне Игнатия.

Вскоре дьяк стоял перед воеводой и низко, до самого пола, кланялся.

— Узнал ли, Игнатий, про Данилу? У Разина ли он?

— Все узнал, батюшка. Сказывают истцы, что

сегодня видели его в городе: вместе с казаками ходил и одет в казацкое платье.

Прозоровский с радостью воскликнул:

— Услышал господь мои молитвы! Будет теперь у Разина наш человек, — затем спросил у дьяка: — Что там казаки делают?

— Гуляют, в баньку ходят, но людишек не трогают, ведут себя смиренно, по дешевке спускают свой товар, не скупаются на угощение и подарки. Атаман ихний уплыл на остров, но народу сказывал, что скоро опять приплывет.

5

Весть о том, что Разин в Астрахани, быстро облетела Черкасск, и что встретили астраханские воеводы атамана не как вора и государева изменника, а как радетеля за государево дело — с почетом, и что царь простил все прежние грехи атамана, выдав на то ему грамоту. Неизвестно, какими путями долетали в войско Донское вести о делах Степана Разина, но голытьба доподлинно знала обо всем. Подняла голову казацкая беднота, гордо поглядывала на домовитых казаков, а иногда стращала: «Придет Степан Тимофеевич — посчитается с вами». Присмирела казацкая верхушка, даже заискивать стала перед голутвенными.

Афанасий Козлов, вернувшись в Черкасск, нового о Разине почти не мог уже ничего сказать, так как в городке знали уже все, даже в мельчайших подробностях — и даже больше того, что было. Фантазия русского человека многогранна и удивительна.

В войсковую Афанасий не пошел, чтобы избежать лишних разговоров и вопросов от казаков. Он решил идти к Корниле домой, да и бывший атаман в войсковой появлялся редко, и все дела вел у себя в курене..

В курень бывшего атамана Козлов явился под вечер следующего дня, как вернулся в Черкасск. Казаки, знавшие Афанасия, завидев его, засыпали вопросами, а также интересовались, почему он до срока вернулся. На то им Козлов отвечал: «Послан я в войско Донское самим атаманом Степаном Разиным».

Подойдя к воротам дома Яковлева, Афанасий решительно постучал в дощатую калитку. Два огромных цепных пса кинулись к воротам, громко, с визгом лая. Он от неожиданности отпрянул и попятился, боясь, что псы сорвутся с цепи. Но испугался напрасно: на крыльцо вышел сам Корнило, свистнул и что-то крикнул; собаки, поджав хвосты, спрятались под крыльцо. Увидев Козлова, бывший атаман с удивлением воскликнул:

— Неужто, Афанасий, вернулся?! — и тут же

с тревогой спросил: — А Разин где? — Яковлев выглядел испуганным.

Афанасий про себя отметил: «Видно, боятся Стеньку домовитые казаки», — но Корниле сказал:

— Стенька Разин еще в Астрахани.

— Почему же ты здесь, а не там? — задал вопрос Яковлев, в тревоге вглядываясь в лицо пришедшего.

Оглядевшись по сторонам, Козлов вошел в ворота. Атаман усадил Афанасия в саду на лавку, принес в яндовах сыто и опять спросил:

— Что же случилось? Почему ты до времени тут?

— А то, Корнило Яковлевич, что раскусил меня там Фролка Минаев. И то, что мы задумали их сравить со Стенькой, не получилось. Еле ноги унес из Стенькиного войска. Хорошо, что астраханский воевода помог мне, а то загубили бы меня казаки, как изменника.

— С Прозоровским мы сносились и насчет тебя говорили. Он что-нибудь велел мне передать? — спросил Яковлев.

— Велел, Корнило Яковлевич, — Афанасий проворно достал из-за пазухи грамоту и подал ее бывшему атаману.

Яковлев развернул грамоту, стал читать. И чем больше он читал, тем серьезнее становилось его лицо:

— Да, ловко их обвел вокруг пальца Стенька. Сметлив и хитер вор — всем нос утер. Только все его богатства, добытые в походе, как пришли ему махом, так и уйдут прахом. Знаю я его, раздаст все нищим.

— Это так, Корнило Яковлевич, — поддакнул Козлов.

— А много ли богатства везет Разин? — поинтересовался Яковлев.

— Много! И если приволокнут казаки все это на Дон, то заживут безбедной жизнью.

— Что говорит Стенька? Куда после Астрахани намерен идти?

— Корнило Яковлевич, все он держит в тайне. Куда он думает, никому неизвестно, а твердит всем, что на Дон. У Разина не узнаешь, зело хитер. Надо ждать его прежде в Черкасске и быть наготове.

Корнило нахмурился, задумался, по всему было видно, что приход Разина в Черкасск ему не по душе. Бывший атаман с минуту сидел, погружившись в мысли, затем поднял глаза на Афанасия и заговорил:

— Большие виды я на тебя имел. Надеялся, что внесешь ты раздор в войске Разина. А оно не вышло. Убег ты раньше времени. Если был бы там, может, еще что и придумали... А сейчас...

Афанасий заерзал на лавке, чувствуя свою вину в том, что не довел дело до конца. Поглядев

преданно на Яковлева, сказал:

— Виноват я, Корнило Яковлевич, видно, не так дело повел, а может, Фрол Минаев не поверил. Только скажу тебе, что сперва все у меня ладилось, я даже радовался. Ввел я тогда Фролку в большое смятение, стал он на Стеньку смотреть как на вражину. А вот как пришел Серега Кривой со своими казаками, а с ним были и из Черкаска ребята, вот он, наверно, все вызнал у них, что женка его в порядке, и тогда пошло у меня все дело наперекосяк.

— Это про какую ты женку говоришь? — спросил Корнило.

— Наговорил я Фролу Минаеву, будто Фролка Разин к его женке захаживает, тот поначалу поверил.

Корнило улыбнулся в усы, затем сказал:

— Нашел кого оговорить! Что-нибудь придумал бы поумней. Фролка-то, как красна девица, не в пример Стеньке, до сих пор баб боится, а ты на него такое наговорил. Не знаю, как он тебе поверил?

— Кому надо собаку ударить, тот сыщет палку, — ответил Афанасий.

— Маленько не ту палку ты взял. Ну да ладно: иди в свой курень, когда надо, позову.

Козлов поднялся, хотел было уходить, но Корнило остановил его, сказав:

— Погоди-ка, Афанасий, пока посиди, сейчас я приду, — и заспешил к себе в дом. Через некоторое время Яковлев вышел, неся в руке кожаный мешочек. Подойдя к казаку, Корнило вложил в руки Афанасия мешочек: — Возьми, Афанасий, этот кошель с серебром за службу.

Дрожащей рукой Козлов развязал кошель, запустил в него руку, перебирая звонкую монету, затем осторожно вновь завязал кожаные тесемки, с улыбкой положил мешочек за пазуху. Поклонился до самой земли бывшему атаману, промолвив:

— Спасибо, атаман, что ценишь службу людей своих. А я уж и не чаял!..

— Будя, будя, Афанасий, ступай, да по дороге кликни ко мне домовитых: Самаринина, Подкорытова да Мельникова с Сидельниковым. Мне с ними поговорить надобно.

Афанасий от Корнилы вышел на улицу в приподнятом настроении, думая о том, что все-таки оценил Яковлев его службу, серебро дал, и пощупал рукой за пазухой кошель, который приятно холодило тело. «Деньги-то он дал, — размышлял дальше казак, — а вот чарки вина не подал, выпить со мной не захотел. А это уж не по казацкому обычаю». Подумав об этом, Афанасий опять впал в апатию. Козлов стал ненавидеть себя за то, что согласился на предательство своих же

товарищей. «А если Стенька придет в Черкасск, что тогда?..». От этих мыслей он затосковал еще больше, даже серебро за пазухой стало тяжелым. Но, пересилив себя, казак продолжал думать: «Да и что я такого наделал, не убил же никого? Да ну их к черту, всех этих атаманов! Пойду-ка я лучше в кабак и напьюсь», — решил Афанасий. Не заметил, как вышел на майдан около войсковой избы. Кабак был недалеко, и Афанасий решительно направился к нему. Но в это время кто-то дернул его за рукав. Козлов обернулся и побледнел: перед ним стояла Алена, жена Разина.

— Еле тебя разыскала. Казаки сказали, что ты от Степана вернулся по делам в войско Донское. Я даже сперва не поверила, а они говорят, что правда. Почти полгородка обегала, тебя разыскивая, даже в курене у тебя была, но твоя женка сказывала, мол, не знает, где ты.

Алена сильной рукой ухватила казака за кафтан, увлекая его за собой. Афанасий попытался высвободиться, но не тут — то было: женщина не отпускала его, засыпая вопросами, спрашивая о Степане Разине, о его войске.

Козлов стоял, будто проглотил кол, не зная, что ответить и как уйти от женщины.

Присмотревшись к казаку, Разина заметила, что с ним что-то неладное, и спросила испуганно:

— Не заболел ли ты, Афанасий? Или пьян?

Казак молчал. И что мог он ответить казачке? Рассказать о том, что предал своих товарищей за кошелек серебра, и о том, как бежал из разинского войска? И вдруг его охватила такая злоба на себя, на Разина, на эту женщину. Ему захотелось сделать плохо Алене и не видеть этих счастливых глаз, полных ожидания и радости за мужа, атамана, освободителя и радетеля за народ. Бешеная злоба переполнила Козлова и выплеснулась жестокой подлостью, как у всех трусливых людей.

— Наверно, муженька своего дожидаясь? Ждешь, поди — не дождешься? Жди! Жди! Только забыл он тебя давно, казачка! Завел он в любовницы ханскую дочку — княжну. Любитя, целуетя с ней, сам видел — и не шибко-то домой торопитя. Привезет ее к тебе в курень второй женкой. Будете жить, как басурмане. У них-то по несколько женок, — и, совсем разоидясь, плюнул на землю и сказал: — Тьфу ты, какой грех, господи!

Алена сперва с удивлением слушала казака. Затем побледнела, лицо ее как бы одеревенело, в глазах заходили злые искорки. Казачка схватила Афанасия за грудки, притянула к себе, затем вдруг резко, по-мужски, ударила его кулаком в подбородок, и он, как подкошенный, покатылся в придорожную пыль.

Развернулася и пошла, не оглядываясь, к себе домой.

Размазывая пыль по лицу, Козлов медленно встал на корячки, затем кое-как сел на задницу, хлопая от удивления глазами. А вокруг собрались казаки. Посмеиваясь, спрашивали:

— Это за что она тебя так?

— Наверно, за дело, — сказал кто-то. — Алена за так не угостит.

— Ловко она его уважила! — опять кто-то крикнул.

— Плохого человека ничем не уважишь, — ответил ему другой казак.

Стоявшие вокруг Афанасия казаки опять захохотали. Один из них поднял его, поставил на ноги, спросил:

— Сказывай, за что она тебя так?

— А черт ее знает за что! Не казачка, а сатана, — плаксиво загнусявил Афанасий, еле шевеля челюстью.

— Не может быть такого! Сказывай, за что! — наступали казаки.

— Она стала спрашивать про Степана, а я возьми да и скажи ей, что, мол, везет твой казак, кроме больших богатств, ясырку-княжну. Вот она мне и влетила, — стал оправдываться Козлов.

— Ну, это за дело. Болтать не будешь, чего не надо.

Афанасий вытащил из-за пазухи мешочек с серебром, подбросил его в руке и позвал

окруживших его людей:

— Айда, ребята, в кабак. Я угощаю.

— Коли так, то мы не против, — ответил один из казаков, и они всей гурьбой поспешили за Афанасием.

Этот вечер для Козлова и Корнилы был неудачным, можно сказать, пустым.

Афанасий пропил заработанное предательством серебро, а затем был избит развеселившимися на его деньги казаками и выброшен на улицу. Явился он в свой курень без кафтана, рубашки, почти нагой — в одних разодранных шароварах.

Корнило же Яковлев, собрав своих ближних домовитых казаков у себя дома, за полночь засиделся с ними. Судили-рядили, что же им делать, когда на Дон явится Степан Разин. Так ничего не придумав, недовольные друг другом, разошлись, проклиная удачливого атамана.

6

На 25-й день августа Степан надумал появиться в приказной палате и решить все дела с астраханскими воеводами.

В город атаман прибыл в сопровождении большой толпы горожан. Люди с любопытством разглядывали Разина, его ближних есаулов и

сопровождающих казаков, дивились на их богатую одежду.

Степан Тимофеевич милостиво одаривал горожан золотыми и серебряными монетами, убогим и нищим давали казаки товар и одежду. К приказной палате подошли в определенном порядке. Впереди шел Разин с ближними есаулами, неся в руке атаманский бунчук. За ними Ефим под уздцы вел двух белых аргамаков, подаренных персидским шахом русскому царю. Кони были необыкновенной красоты, выгибали шею, всхрапывали, пытались встать на дыбы, но, чувствуя сильную руку Ефима, покорно шли за казаком. За Ефимом двигались пленные — ханский сын Шабалда и купеческий сын Сехам-бет — в сопровождении казаков, которые несли два сундука с посулами.

Подойдя к приказной палате, казаки остановились. На крыльце их уже встречали князь-воевода Львов, дьяк Игнатий и приказные люди.

Сделав навстречу Разину с крыльца несколько шагов, Семен Иванович сказал:

— Давно поджидаем тебя, Степан Тимофеевич! Что-то ты не торопишься нас навестить и решить неотложные дела.

Разин ничего не ответил воеводе, только улыбнулся чуть заметно, его так и подмывало

отпустить какую-нибудь шутку по этому поводу князю Львову, но сдержал себя атаман, дабы не испортить дело.

— Прошу, казаки, заходите в палату, — пригласил Львов и первым взошел на крыльцо, а затем и в дверь.

Атаман, не спеша, поднялся на крыльцо, повернулся в сторону казаков, заломил баранью шапку набекрень, весело подмигнул, затем попросил:

— Иван Черноярец, Григорий, Фрол Минаев, айда со мной, а остальным всем пока ждать, — и вошел в приказную палату.

Здесь было много людей, они куда-то сновали, что-то писали, разговаривали, но как только появились казаки, все притихли, подняли головы, неотрывно уставились на атамана, зашущукались.

Разин первым подошел к столу, за которым сидели князь Львов и дьяк Игнатий, положил бунчук, знак атаманской власти. Черноярец и Минаев положили на стол войсковые знамена.

Степан и его есаулы не стали кланяться перед воеводой и приказными людьми, хотя поклона от них ждали. Разин сразу начал говорить:

— Наше войско бьет вам челом и поручило нам сложить перед вами бунчук и знамена, а также передать вам пленных и аргамаков. Отпускаем служилых людей, которые в нашем войске

поневоле и пожелали уйти от нас.

Львов внимательно выслушал Разина, улыбнулся, затем пригласил атамана и его есаулов за стол, где уже были наполнены кубки с вином. Пока казаки рассаживались за столом, князь-воевода как бы между прочим спросил:

— А что же ты, Степан Тимофеевич, молчишь насчет морских лодок и пушек? Ведь ты возвращаешься на Дон, они тебе ни к чему.

— Это ты правильно говоришь, Семен Иванович. Мол, они вроде нам бы и не нужны, но если посмотреть с другой стороны, то необходимы.

— А зачем? — живо заинтересовался князь.

— Перво-наперво, для защиты от татар, когда по степи пойдем от Царицына до Паншина, а также для обороны от крымских и азовских людей. Все же идти с добычей будем, и охотников до чужого добра немало найдется, — пояснил Разин.

— А вдруг, ты новый поход затеешь? — хитро прищурившись, спросил воевода.

— Устали мои ребята для нового похода: домой хотят.

— Тогда почему лодки и пушки не отдаешь?

Степан побагровел лицом, желваки заходили на скулах, в глазах заиграли злые огоньки, но сдержал себя и ответил:

— Нашто, нашто! Я ж тебе сказал, князь, нашто!

— Коли нужны пушки для защиты от татар, — нажимал воевода, — тогда возьми четыре медных, шестнадцать железных затинных, а все лишнее отдай, а также сдай нам тринадцать стругов морских. А взамен возьми мелкие речные суда.

— Добре, — согласился Степан после раздумья, радуясь в душе, что князь не упоминает о товарах, отобранных у персидского купчины под Астраханью, а также о пленных, захваченных в Персии и Туркмении.

Князь Львов взял в руки кубок с вином, подмигнул Степану Разину:

— За здоровье персидской княжны!

Степан сменился в лице и промолчал.

— Что же ты, атаман, не похвалишься своей ясыркой?

«Пронюхал все-таки и про княжну» — подумал про себя Разин, а Львову ответил:

— Об этом буду говорить с самим воеводой, — и тут же спросил с любопытством: — А где же сегодня воевода Прозоровский?

Князь Львов переглянулся с дьяком Игнатием, затем ответил:

— Иван Семенович сегодня приболел и сам прийти не смог, поэтому все дела с вами поручил вести мне.

Казаки и астраханское начальство, увлекшись делами, забыли про накрытый стол, к вину никто не

притрагивался.

Наконец, Львов, опять подняв кубок, произнес: — Давайте, все-таки, выпьем по чарке, тогда и легче дело решить, — и первый выпил крепкого вина. Его примеру последовали остальные.

Иван Черноярец, перекусив после первой чарки и вытерев усы рукавом, заговорил:

— Наше войско бьет челом перед воеводой Иваном Семеновичем Прозоровским и просит позволить нам послать станицу в Москву, чтобы принести вины казацкие своему великому государю.

Услышав о станице в Москву, князь Львов поморщился так, будто съел что-то кислое, затарабанил пальцами по столу, заерзал на лавке: по всему было видно, что затея атамана со станицей воеводе не нравится.

Подумал про себя князь: «Еще воров там, у государя, не хватало». Но делать было нечего, в споры вступать с казаками из-за станицы у воеводы в планы не входило. Он ответил:

— Что ж, об этом я сообщу Ивану Семеновичу, — и опять подумал: «Пусть едут, а за это атаман может мне посулы хорошие отвалить» — и скосил глаза на два туго набитых сундука, стоящие у двери.

Перехватив жадный взгляд воеводы, атаман

обратился к Черноярцу:

— Не пора ли нам, Иван, одарить посулами наших астраханских начальников?

— Пора, Степан Тимофеевич, пора! — и, встав с лавки, заспешил к сундукам.

Черноярец достал из них дорогие товары, меха, украшения, золотую и серебряную посуду и стал одаривать приказных людей. Те жадными глазами следили за раздачей подарков, завидуя друг другу.

Князя и дьяка Игнатия Разин одарил сам лично. Два тюка аксамита и зарбафа, горлатную шапку с узорочьями атаман положил перед воеводой и прошептал ему почти на ухо:

— Сегодня, князь, жду тебя на своем струге. Поговорить надобно.

Львов даже не подал виду, что слышит шепот атамана. Продолжал внимательно рассматривает узорочье, но в ответ шепнул:

— Ладно, жди.

Уловив шепот между князем и атаманом, дьяк Игнатий наострил уши, прислушался, но в это время по знаку Разина перед дьяком поставили золотую и серебряную посуду, положили тюк парчи и камки мисюрской. Дьяк так и впился глазами в подарки, обрадованный, обхватил тюк с парчой дрожащими руками, пощупал товар тонкими, костлявыми пальцами, поросшими рыжими

волосами. Алчные глаза Игнатия горели, он с жадностью продолжал глядеть на сундуки.

Разин снова сделал знак, и казаки поднесли дьяку кафтан голубого цвета, расшитый канителью. Дьяк живо примерил его: кафтан пришелся ему впору.

После подношения подарков казаки и приказные люди выпили вина. Разговор за столом оживился. Уже через некоторое время дьяк Игнатий сидел в обнимку с Ефимом и попом Феодосием. Тот бубнил басом, рассказывая о своей ясырке, которую он, изрядно подвыпив, решил подарить дьяку:

— Ты, дьяк, от подарка не отказывайся, я ведь эту бабенку, почитай, за так отдаю, потом не пожалеешь.

Дьяк, уже изрядно выпив, тупо соглашался, потом вдруг спросил:

— А на что мне эта басурманка? Что я с ней делать буду?

— Как это на что? — удивился Феодосий.

В это время Ефим, расправив могучие плечи, запел:

*Захотела меня мать
За Ивана отдать, —
Найду, найду, маменька,
Пойду, не подумаю:
У Ивана в саду яма,*

*Завсегда я буду тама.
Захотела меня мать
За Степана отдать, —
Найду, найду, маменька,
Пойду, не подумаю:
У Степана три стакана,
Завсегда я буду пьяна.
Захотела меня мать
За Филиппа отдать, —
Найду, найду, маменька, —
Пойду, не подумаю:
У Филиппа в саду липа,
Завсегда я буду бита...*

Когда Ефим закончил песню, дьяк Игнатий, совсем развеселившись, хрипло запел:

*Захотел меня казак
За ясырку отдать...*

Все застолье покатилося со смеху. Князь Львов хохотал от души, даже прослезился. Игнатий же, закончив песню на полуслове, с удивлением озирался на всех.

Видя, что веселье зашло далеко, князь Львов решил сегодняшнюю встречу с казаками закончить. Поднял чарку и громко сказал:

— Выпьем за здоровье государя нашего

Алексея Михайловича!

Все застолье вскочило на ноги с криками: «За государя нашего! За Алексея Михайловича!».

Князь исподволь наблюдал за Разиным, как же он поведет себя в подобной ситуации. А атаман, налив полную чарку вина, подошел к воеводе и сказал: «Выпьем же, князь, за государя нашего и будем ему верными слугами!».

7

Шестеро казаков во главе с Лазарькой Тимофеевым сегодня станицей отбывали в Москву, чтобы принести вины разинского войска великому государю всея Руси Алексею Михайловичу.

Степан Разин провожая станицу, говорил с Лазарькой с глазу на глаз, наставлял, как вести себя и что говорить в Москве государю. Потом расцеловал на прощание каждого казака крест-накрест, по русскому обычаю, и затем долго глядел вслед уплывающей вверх по реке станице, до тех пор, пока лодки не скрылись из виду.

Дни летели за днями, а встречу с воеводой Прозоровским Степан Разин откладывал. Казаки по-прежнему ходили в город, торговали товаром, лечили раны, мылись в банях, братались с черными людьми. Сам атаман тоже частенько наведывался в город, а на воеводский двор не заходил.

Жили разинцы напоказ, безмерно сорили деньгами, без усталости бражничали, радуясь передышке от похода. Атаман с ближними есаулами часто устраивал праздничные катания по Волге — с шумными пирушками, на удивление и зависть астраханцам. В это время по берегу реки собирались большие толпы народа. Простой астраханский люд восторженно кричал, славя с берега атамана и его войско.

Еще когда первый раз казаки собрались идти в город, атаман всех крепко-накрепко предупредил: «Упреждаю, ребята! Жителей астраханских не задирать, женок не трогать. Торговые дела с купцами и простыми людьми, а также любовные дела с бабами решать миром. А тот, кто нарушит мой наказ, узнает, остра ли моя сабля! Помните, вы пришли домой, в Россию, вы — защитники простого народа!».

И этот наказ никто из разинцев за все время пребывания у Астрахани не нарушил. Но сегодня случилось непредвиденное. Проводив станицу, Разин уединился с княжной на своем струге. Вдруг внимание его привлекли голоса множества людей, крики, перебранка:

— Эй, вы, отпустите казака! — гневно кричал кто-то из разинцев.

— Чего его тащите?!

— Смотрите, ребята, как они избивали нашего

Леску! — опять закричал кто-то из казаков.

Разин резко отстранил от себя княжну, схватил саблю и выскочил на палубу. Около мосточка, у струга, Степан увидел огромную толпу астраханцев и казаков. Два здоровенных мужика под руки держали Черкашина. Вид у есаула был ужасен: одежда изорвана, избитое лицо — в синяках и кровоподтеках. Один глаз у Лески совсем заплыл, другой беспокойно бегал.

Атаман хмуρο взглянул на толпу:

— Что же это такое? Почему мой есаул избит?!

Вперед вышел русобородый, небольшого роста астраханец, снял шапку, поклонился атаману в пояс:

— Батюшка ты наш, атаман! Вот этот твой казак изнасиловал мою женку. Зазвал я их к себе в гости, как добрых, угощал, а они выгнали меня из моего дома и давай тешиться с ней. Хорошо, что люди помогли от них отбиться, — и астраханец указал на толпу народа.

Степан сразу же сменился в лице, побледнел, прорычал:

— Ах ты — сволочь! — выдернул резко из ножен саблю и кинулся на Леску. Толпа астраханцев и казаков отпрянула назад, оставив Черкашина один на один с разъяренным атаманом. Есаул стоял, боясь взглянуть на Разина.

— Предупреждал я всех или нет?! — взревел Разин, подступая к Леске с саблей.

Есаул молчал.

Молнией сверкнула сабля атамана, и лежать бы в песке Черкашину с отрубленной головой.

— Батько, стой! Что ты делаешь?! — крикнул Семен Андреев — лучший друг Лески Черкашина, кинулся к атаману, подставив свою саблю и, тем самым, отвратив смертельный удар от есаула.

Но от сильного удара оружие вылетело из рук Семена и покатила по песку, а разгневанный атаман уже снова занес клинок над головой Семена. Сверкнул клинок, но к атаману кинулись Фрол Минаев, Якушка Гаврилов, Иван Черноярец, заломили ему руки, отобрали саблю, потащили на струг. Атаман рычал, страшно матерился, упирался, кричал:

— Убью подлеца! Чтобы духу его тут не было!

Казаки втащили атамана на струг, а испуганная толпа разошлась. Виновника же укрыли до поры до времени, пока батько не отойдет.

Долго Степан неистовствовал у себя на струге, проклиная Леску.

Испуганная княжна забила в угол. Потом атаман затих, потребовал себе вина. Хмурый и злой, пил в одиночестве водку без закуски. Вздыхал,

ругал себя в душе за неудержимую свою ярость. А у атамана струга на берегу роптали казаки:

— Сам, небось, с княжной тешится, а тут казак бабенку нашел, и из-за этого его жизни лишать? Да где это видано?

Кто-то из мужиков сказал:

— Да эта баба сама, по согласию, отдалась Леске — за узорочье. А муж ее шум поднял, народ созвал.

Прислушивался Разин к словам казаков, еще больше проклинал себя за горячность, но что было делать, жалеть поздно...

Заскрипел мосточек, на атаманов струг зашел Иван Чернойрец и, как ни в чем не бывало, сказал:

— Степан Тимофеевич, большие лодки для катания по Волге готовы. Натянуты разноцветные паруса, приготовлены снедь и вино.

Атаман поднял голову, непонимающе уставился на Ивана, спросил упавшим голосом:

— Какие еще катания?

— Ты же сам с утра распорядился приготовить лодки.

Степан молчал, не зная, что ответить.

Тогда Чернойрец стал его успокаивать:

— Не горюй, Тимофеевич, всякое бывает. Не надо бы тебе, атаман, перед казаками-то скисать.

Разин с надеждой посмотрел на своего есаула, думая про себя: «Хоть он меня не судит!».

А Черноярец с нетерпением заторопил атамана:

— Поспешай, Тимофеевич, пошли в лодку, вон она уже у борта твоего струга стоит.

Атаман неуверенно поднялся, направился к лодке, где уже сидели ближние есаулы, перешептываясь между собой. Последним туда прыгнул Черноярец, и судно медленно отчалило от берега. Казаки выгребали на середину реки. В лодке не было веселья.

Разин сидел один на носу струга, молчал, хмуро глядя из-под густых бровей на берег, где собирались уже толпы астраханцев.

А сзади чуткое ухо Степана улавливало негромкие речи его есаулов.

— Сам тешится с княжной, а нам нельзя!

— Вожжается с этой басурманкой, а с нами даже чарку выпить не хочет!

— Ребята, ведь он через нее бабой стал!

Слушал атаман такие речи своих казаков, и все в нем кипело. Неукротимая натура его искала выхода. Выпив водки, утерев рукой губы, атаман вдруг встал.

В струге все примолкли, как замороженные, уставились на Разина. Он медленно подошел к борту лодки, затем остановился и печально произнес:

— Вернул я княжну. Персидские купцы выкуп

внесли.

Кое-кто из ближних есаулов от удивления привстал с места. Кто-то хотел высказаться, но осекся и замолчал.

Степан смахнул рукой набежавшую слезу, молча сел на край борта лодки. опустил голову.

Вдруг он выпрямился и крикнул, обращаясь к музыкантам:

— А ну, братцы, плясовую!

Грянула плясовая, неистово загремели бубны, им вторили накры.

— Эй, Еремка, черт, пляши! — крикнул атаман срывающимся голосом и, взяв яндову с вином, выпил до дна, не отрываясь.

Есаулы молчали, избегая взглянуть в глаза атаману, не знали, как вести себя.

А Еремка тем временем волчком крутился в пляске, выделывая замысловатые коленца. К нему присоединилось еще несколько есаулов.

Иван Черноярец, подняв чарку, крикнул:

— Братцы, пьем за атамана нашего, Степана Тимофеевича!

Есаулы закричали вразнобой:

— Любо!

— За батьку!

— За Степана Тимофеевича!

Казаки выпили, заговорили веселее. Атаман, по-прежнему, молчал. Он чувствовал, что бразды

правления опять в его руках. Все заискивающе заглядывают ему в глаза, готовы исполнить любое его желание, снова идти за ним в огонь и в воду. Разин печально улыбнулся, потом пристально поглядел на своих есаулов и сказал:

— Что же вы, братцы, приуныли! — и, подняв свою чарку, крикнул: — Выпьем за княжну!

Казаки выпили вино, атаман же, не допив свою чарку, с размаху бросил ее за борт.

Обняв Ивана Чернойрца и Фрола Минаева, Ефим запел:

*Ой, матушка, тошно,
Сударыня, грустно!
А я с той тоски-печали
Не могу ходити,
Сердечного, любезного,
Не могу забыти...*

Пока Ефим пел, Разин сидел, устремив потускневший взгляд на реку.

Веселья не получалось. Иван Чернойрец дал знак гребцам, чтобы они плыли к казацкому стану.

По прибытии в лагерь Разин уединился, пил несколько дней водку, никого к себе не подпускал, кроме Ефима и Еремки.

Слышались с атаманова струга грустные песни, которые пел Ефим.

Разин тосковал по княжне, клял себя за горячность, проклинал себя за то, что отдал персидским купцам красавицу.

Казачи, проходившие мимо, слыша в песнях безысходную тоску, качали головами:

— Эх, как сердешный убивается! Как душу надрывает!

8

Утро выдалось прозрачное, голубое. Небо и Волга на горизонте слились в одну светлую линию. Только у берегов, в глубоких заводях реки, вода была по-осеннему темно-лазурна, и лишь изредка под дуновением ветерка по ее поверхности пробегала серебряная рябь. Кустарник и плакучие ивы, растущие по берегу, были нарядны, кое-где багряны с желтизной в листве.

Сегодня Разин собрался на воеводский двор. Тоску-кручину атаман в это утро отбросил, как ненужную шелуху. Нужно было делать дело и побыстрее уходить на Дон.

Иван Черноярец еще с вечера был предупрежден атаманом о предстоящем визите, и поэтому сундуки с посулами воеводе были уже готовы. Ближние есаулы, при оружии, отделанном золотом и серебром, толпились у атаманова струга, поджидая Степана.

Разин неторопливо вышел из своего шатра, пружинистой легкой походкой направился к ожидающим его казакам. Он ловил на себе виноватые, заискивающие взгляды ближних есаулов, видно, они тревожились за него, за его настроение, знали: дело у него сегодня нешуточное. Понимали, что сегодня решается их судьба: идти им домой на Дон, или еще долго оставаться в Астрахани. Но Степан был сегодня в хорошем настроении и намеревался закончить все дела с воеводами одним махом.

Князь Прозоровский встречал Разина на крыльце, как дорогого гостя. С ним рядом стояли воевода Семен Львов, дьяк Игнатий, подъячные, стрелецкие начальники, служилые иноземцы. Атаман перемигнулся с Иваном Черноярцем, тот чуть улыбнулся, кивнул головой, этим самым показывая, что, мол, сам воевода астраханский встречает их.

Степан с любопытством разглядывал Прозоровского. Князь был худощав, высокого роста, с седой бородой, строгим надменным лицом и тонкими губами.

Так вот он, каков, его заклятый враг, грозный астраханский воевода?! Переломив свою гордость ради будущего дела, поклонился в пояс Прозоровскому и сказал:

— Здравствуй, пресветлый князь-воевода

Иван Семенович!

Сделал знак ближним есаулам. Те степенно поднесли подарки боярину: тюки тканей, ковер бухарской работы и золотую посуду. Воевода подарки принял, но посмотрел на казаков неприветливо — без улыбки и доброжелательства в лице, а сам то и дело косил глаза на подаренное добро. Видно, разыграло сердце у князя при виде такого богатства.

— Проходите, гости дорогие, давненько мы вас поджидаем, да вы что-то не торопились со встречей, — сказал воевода, провожая казаков в княжеские палаты, где приглашенных ожидали накрытые столы, на которых красовались заморские вина, яндовы с хмельным медом, сытные закуски, горы пряных сладостей.

За столом Разин оказался напротив воеводы Прозоровского. Атаман и князь изучающе рассматривали друг друга, как бы примеряясь для будущего разговора.

После нескольких чарок за здоровье государя Алексея Михайловича, его жены и детей начал говорить воевода Прозоровский, обращаясь к атаману:

— Надобно бы нам, Степан Тимофеевич, дела наши решить миром, по добру. Перво-наперво, нужно переписать всех казаков поименно, сдать пушки, которые вы взяли с боем на Волге, в

Яицком городке и за морем в персидских пределах. Отдайте всех пленных людишек, а также шахова гостя пожитки и захваченные вами лодки.

Слушал Степан воеводу, ел, пил, хвалил угощение, но Прозоровскому пока не говорил ни слова, только иногда желваки на его скулах ходили ходуном, да глаза загорались недобрым огнем. А когда выговорился князь и принялся за еду, заговорил Разин:

— Все наше войско бьет челом великому государю и приносит ему свои вины, на то станица наша в Москву отправлена. Барахло шахова гостя, которое мы взяли на взморье, в лодках, вернуть не можем, потому как оно разделено между казаками, а ясырь мы добыли саблей, и многие казаки за него головы положили или поранены в шаховой области. И тот полон разделен у нас между казаками. А именной переписки всех казаков не бывать! Нигде нас, казаков, никогда не переписывали, а в милостивой грамоте государя об этом тоже ничего не сказано. На том тебе, князь-воевода Иван Семенович, наше все казацкое войско челом бьет.

Выслушав речь Степана, астраханский воевода нахмурился, но спорить не стал, так как хотелось ему, чтобы казаки поскорее ушли из Астрахани. Знал боярин, что разинцы братаются с черными и работными людьми, что весь бедный астраханский люд поддерживает атамана и готов

идти за Разиным в огонь и в воду, лишь бы он клич бросил. Бедный и работный люд сбегает к казакам, чтобы скрыться от жестоких хозяев и долгов. Каждый день шли к Прозоровскому купцы, стрелецкое начальство и богатые люди города, просили унять казаков, а также вернуть сбежавших холопов. Князь обещал просителям, но сам ничего не мог предпринять, так как боялся народного гнева: и так уже черные люди перестали бояться своих хозяев и астраханское начальство.

Казацкое войско численностью было небольшим, об этом воевода знал, и при желании Прозоровский смог бы побить разинцев, но также знал боярин, что в случае чего вся голытьба встанет на сторону Разина, а тогда неизвестно, чья возьмет. Поэтому единственное желание было у астраханского воеводы, чтобы атаман быстрее ушел из города с миром.

Пили казаки с астраханскими воеводами, зорко следили друг за другом. Сам атаман вел себя спокойно, пил вино, похваливал угощение, улыбался, весело подмигивал астраханскому начальству. Хоть и давно было оговорено с князем Львовым, что должен атаман сдать воеводам пушки, пленников, кое-какое барахло, но с выполнением Разин не торопился.

Бурлило все в душе у Прозоровского, жалел уже князь, что подпустил казаков к Астрахани, что

разрешил разинцам поселиться у города, что не побил их сразу, да делать нечего, теперь уже поздно. Так думал князь, еще пристальнее разглядывая Разина и отмечая в уме: «Видно, умен атаман! Ох, и хитер, дьявол!»

Взяв полный кубок с вином, Степан поднял его, крикнул низким голосом: «Пьем за скорое возвращение на Дон!».

Все выпили, а Прозоровский подумал: «Исполнилось бы твое желание поскорее. Сдавал бы все, что требуется, да плыл бы себе на Дон. Ан нет, не торопится, все что-то вынюхивает, выжидает да смущает народ!».

После нескольких чарок астраханцы и разинцы стали чувствовать себя оживленнее, и враждебная стена, которая существовала ранее меж ними, исчезла. Собравшиеся разговорились, иные поспорили, а кое-кто, нет-нет, да пытался затянуть песню. Казалось, все было хорошо, но иногда Разин во время пира чувствовал на себе тяжелый, враждебный взгляд кого-нибудь из начальных людей. Поймав этот взгляд, Степан хитро ему улыбался и подмигивал.

Федор Сукнин сидел за столом рядом с атаманом. Опрокинув несколько чарок, есаул захмелел, но от этого веселее не стал, а только еще больше хмурился. Грусть-тоска одолела Федора — по погибшей жене и неизвестно куда пропавшим

детям. Есаул то и дело хмуро оглядывал стол, стараясь угадать, где же здесь дьяк Игнатий, который, как ему было известно, повинен в его горе. Не подозревал Сукнин, что сидит как раз напротив его. Дьяк уже сильно захмелел от выпитого, бессмысленно улыбался, тряс своей реденькой бородой, разговаривая с князем Львовым.

Ткнув локтем атамана под бок, есаул спросил:
— А где же, батько, сидит дьяк Игнатий?

Разин внимательно посмотрел на Федора, нахмурился, прошептал:

— Вон, против тебя он. Но смотри у меня, Федор, без баловства, а то испортишь мне тут все. Сдержи себя ради дела!

Ничего не ответил Сукнин, только сильнее побледнел лицом. Вспомнилась ему Мария, ее выразительное, красивое лицо, живые глаза, и дети — ласковые мальчики, с чистыми, любопытными глазенками. И от всего этого комок подступил есаулу под горло, крупная слеза медленно покатилась по щеке.

В это время воеводские слуги принесли горячую уху из осетрины и стали расставлять в оловянных тарелках перед гостями. Поставили уху и перед дьяком, но тот уже был изрядно пьян, голова его то и дело клонилась в тарелку, он тыкал ложкой мимо ухи. Сукнин осушил большой кубок

вина, закусил, потом медленно встал, протянул руку через стол, загреб волосы на голове Игнатия, окунул его лицо в горячую уху и там немного подержал. Произошло это так быстро и незаметно, что многие за столом, увлеченные гулянкой, даже не обратили на это внимания и подумали, что казак достает себе что-нибудь из закусок. Но когда есаул отпустил дьяка и сел на место, Игнатий соскочил с лавки, выпучил глаза и, хватая ртом воздух, визгливо закричал во всю мощь своих легких:

— Ратуйте! С нами нечистая сила!

За столом все притихли, повернулись в его сторону, непонимающе посмотрели на кричащего. Пострадавший выскочил из-за стола, и запричитал:

— Ой, ой, ой! Чуть не утоп в ухе!

Прозоровский, сделав знак своим дворовым, сказал:

— Уведите дьяка домой, опять опился вина так, что в тарелку с ухой окунулся.

Двое дюжих молодцов подхватили Игнатия под руки, потащили к выходу из палаты. Тот упирался, мотал реденькой бородой с застрявшими в ней рыбьими костями и кричал:

— Кто это сделал?! Кто обмакнул меня в уху?

Вокруг хихикали, а кое-кто закатился веселым смехом. Атаман, видевший всю эту картину от начала до конца, гоготал от души.

Наконец, Игнатия увели. Атаман саданул

локтем Федора под бок:

— Я тебе что сказал? Зачем лез?!

Разин внимательно посмотрел на Сукнина и понял, что тот рассчитается еще с дьяком. Снова грозно предупредил:

— Не балуй, Федор! С огнем играешь, все дело нам загубишь!

— Тогда отпусти меня, батько, на Яик посчитаться с Безбородовым, за мою Марию отомстить.

Разин задумался, прошептал:

— Потом поговорим об этом, а пока пей, гуляй, веселись. Вишь, воевода какое богатое угощение нам выставил.

Федор заскрипел зубами, пробурчал негромко:

— Чтоб глаза у него полопались, у этого воеводы!

Между тем, пир продолжался, заиграли гусли, бубны. Посреди палаты выскочили скоморохи, заплясали и давай потешать народ.

* * *

В это время в спальне, на богатой постели, на мягких пуховиках Иван Красулин тешился с Анной Герлингер после долгой разлуки. Истосковалась женщина по любимому, по его сильному телу. Перебирала белыми руками русые кудри, целовала

в губы, заглядывала в ясные глаза, расспрашивала о его новом житье-бытье.

— Чай, богатства много навез из-за моря, — любопытствовала Анна.

— Ты же знаешь, что я на барахло не падох, да и зачем оно мне?

— Как это зачем? — изумилась женщина. — Вон какие дорогие узорочья казаки с похода принесли. Неужто ты так ничего и не привез?!

— Почему же? Привез. Только все это в общевойсковой казне, мне пока ничего не надо.

Женщина на минуту задумалась, хотела еще что-то сказать, но вдруг кто-то постучал в окно. Анна встрепелулась, быстро выскользнула из постели, накинула на себя летник и исчезла в одной из боковых дверей. Ее долго не было, только из-за дверей был слышен возбужденный разговор: один голос — мужской, другой — женский. Первый был как будто знаком Красулину. Он быстро подошел к двери и прислушался. Действительно, знакомый голос. Иван снова вернулся в постель и стал вспоминать, где же он все-таки слышал его, и вдруг вспомнил. Так это же голос Данилы, которого недавно привел Ефим из Астрахани и который остался у них в казацком войске. «Зачем он здесь? Как попал к Анне?» — подумал Красулин.

Наконец, Анна вернулась в спальню, плотно закрыла за собой боковую дверь и легла к Ивану в

постель.

Он спросил:

— Кто это?

— Это работный мой Алексей, по хозяйству в доме у меня управляется.

«Диво какое-то! — подумал Красулин. — Почему же голос у этого работного, как у Данилы?».

Долго, однако, думать об этом не стал: сегодня у него были другие заботы.

9

Казацкая станица прибыла в Москву к вечеру. В это время на улицах столицы было пустынно. Горожане с наступлением темноты спешили по домам. По местам становились сторожевые посты, протяжно перекликались между собой.

После дождей дороги на улицах города раскисли. Жидкая грязь заполняла выбитые колесами телег ямы. Только там, где улицы были вымощены толстыми бревнами, было сухо, и копыта лошадей глухо стучали о дерево. Когда мощеная улица кончалась, уставшие кони вновь хлюпали копытами по лужам.

Из разинской станицы никто еще ни разу не бывал в Москве, поэтому казакам многое было на диво. Они то и дело задирали головы вверх,

удивлялись, разглядывая каменные и деревянные здания домов и церквей. А когда проезжали мимо храма Василия Блаженного, Лазарька Тимофеев даже рот открыл и с восхищением произнес:

— Вот это да! Какая красотища! Видно, веселый человек эту церковь строил.

Путники остановили коней. В это время к ним подошел стрелецкий начальник и крикнул:

— Чтой-то, казаки, тут крутитесь, али что потеряли?

— Нам бы постоялый двор какой найти, переночевать.

— А вот туды езжайте прямо по улице, а там будет первый проулок, свернете в него и увидите постоялый двор для приезжих.

Казаки развернули коней в ту сторону, куда указал стрелец. Непролазная грязь московских улочек и переулков не давала всадникам ускорить свой путь.

— И как здесь люди живут, чем дышают, — сказал, ни к кому не обращаясь, есаул. — То ли дело у нас на Дону — простор. Пустишь, бывало, коня вскачь, мчишься по степи, дышится вольно, легко. А тут? Теснотища, дух нехороший идет. Нет, я бы тут жить не смог.

— Видно, есть в этом для них, московитов, своя сладость, — ответил кто-то из казаков.

Вот и постоялый двор — длинное, черное,

покосившееся деревянное строение, до половины вросшее в землю, с прилегающими к нему различными хозяйственными пристройками.

Всадники медленно пробирались по непролазной грязи, боясь попасть в яму, так как уже стемнело и дорогу было плохо видно. Подъехав вплотную к изгороди постоянного двора, не слезая с коней, застучали в ворота. Лазарька Тимофеев крикнул: «Эй, хозяин, выходи!» — и сильно постучал рукоятью плети по воротам. Ответа не последовало. В доме как будто все вымерло, только где-то внутри двора, тьякнув, протяжно завывла собака.

— Может, мы не туда попали, — высказал предположение один из казаков.

— Эй, хозяин, принимай народ на ночлег, — рывкнул во всю свою глотку Лазарька.

В одном из маленьких окон постоянного двора вздули лучину, и замелькал огонек. Заскрипела дверь, на крыльцо прошаркал небольшого роста сгорбленный мужчина и крикнул хриплым голосом: «Кто там так поздно? — и пробурчал: — Шатаются тут всякие тяпоголовы».

— Не бойсь, хозяин, открывай, не тати мы, а донские казаки! Открывай, хорошо заплатим, — ответил Лазарька.

Горбатый подошел к воротам, взгляделся в путников и, убедившись, что это, действительно,

казаки, сказал:

— Только, казачки, пуховых перин вам не обещаю, припозднились вы, ребята, все места в ночлежке заняты, но крепкое вино будет и поесть найдем, сегодня только скотину освежевали.

— Открывай, хозяин, что уж там! Было бы где прилечь да охапка соломы. Мы не бояре, переспим, а то, что винцо есть и закуска хорошая, за это заранее спасибо, при расчете не обидим.

Хозяин резко выдернул закладку в воротах, отгоняя лающих псов и, прежде чем впустить казаков во двор, потребовал:

— Плату, казачки, вперед, а то, кто вас знает, может, у вас ничего нет.

Лазарька запустил руку за пазуху, достал объемистый кожаный мешочек с серебром и бросил:

— Держи, хозяин!

Горбун ловко поймал подачку и, ощутив ее внушительный вес, хмыкнул, потоптался на месте, молвил:

— Однако, казачки, у меня для вас кое-что найдется для ночлега, и спать вам будет любо-дорого.

— Что ж, хозяин, коли любо-дорого, то возьми-ка еще, — и подал горбуну горсть серебряных монет, которые звякнули в его жилистой руке.

Хозяин и вовсе засуетился, повел казаков в отдельное строение, где разинцы расседлали лошадей, задали им корм, только после этого, захватив с собой четыре сундука, отправились утолять свой голод. Вскоре они сидели в просторной горнице постоялого двора, хлебали варево с мясом, иногда прикладывались к чарке забористой анисовой водки.

Горница была просторная, рубленая из толстых бревен лиственницы. Дощатый стол, за которым сидели разинцы, был крепок, словно сделан на века. Посреди стола горела, помигивая, сальная свеча.

Хозяин тут же крутился около казаков, заглядывая им в глаза, стараясь удовлетворить их желания в еде и питье. Потом горбун подсел к ним за стол, налил себе чарку водки, выпил, не закусывая, утер рукавом губы и заговорил:

— Это откуда ж вы, казачки, путь держите?

— Мы, хозяин, издалека, ажно с самой Астрахани, со станицей к нашему государю Алексею Михайловичу. А послал нас в Москву атаман Степан Тимофеевич Разин, — ответил Лазарька.

Глаза у горбуна расширились, еще сильнее забегали, жадно осматривая казаков.

— Чай, и посулов дорогих царю навезли? — вкрадчиво спросил он.

— Не без этого, — ответил один из постояльцев.

Горбун скосил хитрые глаза на четыре сундука, которые занесли казаки.

Лазарька перехватил жадный взгляд хозяина, перемигнулся с одним из товарищей — высоким, черноволосым, с крупными чертами лица — Иваном Вихровым.

Поздний ужин подошел к концу, и уставшие путники ощутили единственное желание — лечь спать.

— Надо бы, ребята, и ночевать идти, — сказал есаул Тимофеев, зевая во весь рот.

Хозяин засуетился, стал предлагать лечь тут же в горнице, приказал уж было работникам внести одеяла и подстилки из войлока, но Лазарька на то ответил:

— Не суетись, почевать мы пойдем к своим лошадям на сено, сон на свежем воздухе еще крепче, — и дал знак товарищам, чтобы захватили сундуки с подарками.

В бревенчатом строении, где находились лошади, пахло мятой и свежим сеном. Кони, похрустывая, жевали сено, фыркали, тяжело вздыхали. Путники быстро расположились на ночлег, зарылись в сено, оставив Ивана Вихрова в дозоре. Вскоре станица захрапела, присвистывая и неясно бормоча во сне. Кое-кому из казаков

снились тяжелые сны.

Иван долго сидел у сундуков, борясь со сном, но усталость брала свое. Сон наваливался на казака все сильнее и сильнее. С завистью он поглядывал на своих товарищей, но понимал, что спать нельзя.

— Неровен час, лихие люди прокрадутся, побьют нас и посулы заберут, — думал Иван. — Что же так меня в сон кидает, неужто горбун в вино какого зелья подсыпал, — голова казака то и дело свисала на грудь, и Ивану приходилось огромным усилием воли заставлять себя не спать. Устав бороться с собой, Вихров стал потихоньку прохаживаться. Это немного развеяло его сон.

Вдруг среди ночной тишины где-то в углу строения что-то тихо закрипело и раздался приглушенный топот. Иван насторожился, затем потихоньку пополз к Тимофееву и стал его сильно трясти, пытаясь разбудить. Лазарька что-то мычал во сне, шлепал губами, но не просыпался.

Между тем, в углу, сквозь небольшую дыру в стене, проникли четыре грабителя. Они потихоньку ползли к казакам, шепотом разговаривая между собой:

— Где ж это они спрятались?

— Видно, в соломе закопались, — прошептал в ответ один из проникших в сарай.

— Тихо, разбудишь их, — прошептал другой грабитель.

— Едва ли они проснутся, горбун им зелья подсыпал, — ответил тот же голос.

Оставив тщетные старания разбудить Лазарьку, Вихров вытащил из-за пояса пистолет, взвел курок и, как только грабители подползли совсем близко, выстрелил, не целясь. Затем выхватил из ножен саблю и крикнул:

— Рубите тяпоголовов, казаки!

Непрошенные гости бросились со всех ног бежать туда, откуда проникли в помещение. Двое вмиг выскользнули наружу, а двое сунулись в лаз в углу сарая. Оба разбойника, застряв, дергались, выли от страха, но выбраться на свободу не могли. Подскочив к ним, Иван дал одному из них по заднему месту хорошего пинка, от которого грабитель вылетел наружу и потянул за собой второго. С воем они кинулись бежать.

— Что там, Иван? Что случилось? — раздался рядом голос Лазарьки. — Ты, что ли, стрелял?

Привалив к лазу несколько коротких бревен, находившихся здесь, Вихров ответил:

— Гости тут у нас, Лазарь, были — хотели посулами поживиться, а я им всыпал, угостил маленько. Долго будут помнить угощение!

Лазарька зевнул, затем сказал:

— Иди, Иван, поспи, а я в дозоре постою. Думаю, гости эти больше за подарками не придут, раз ты их так встретил.

Иван Вихров залез в уже нагретое Тимофеевым углубление в сене и безмятежно заснул.

* * *

На следующий день после обеда царь слушал доклад князя Долгорукого о казацкой станице Степана Разина и подробностях похода славного атамана. При этом присутствовали бояре: Одоевский Никита Иванович, Романов Никита Иванович, дядя царя, Барятинский Юрий Никитич, а также старые и новые родственники — Милославские и Нарышкины. С ненавистью они косились друг на друга.

Юрий Алексеевич Долгорукий докладывал:

— Знаемый нами вор, Стенька Разин, вернулся из кызылбашских пределов в Астрахань. Грамоты, пресветлый царь всея Руси Алексей Михайлович, воевода Прозоровский ему вручил.

— Откуда, князь, тебе об этом известно? — прервав доклад Долгорукого, с интересом спросил царь Алексей.

— Сегодня, пресветлый государь, я в приказе Казанского дворца принимал станицу воровского атамана и обо всем у них узнал доподлинно, о чем и спешу тебе, государь, доложить, — и Долгорукий, стоящий перед царем, который сидел, развалиясь в

кожаном кресле, поклонился ему в пояс.

Царь сделал знак, приглашая боярина сесть рядом в свободное кресло. Остальные же бояре чинно восседали вдоль стен на лавках, обитых голубым аксамитом.

Присев на краешек кресла, Юрий Алексеевич продолжил:

— Разинская станица небольшая — из шести человек — во главе с есаулом, донским казаком Лазарькой Тимофеевым — казаком весьма рассудительным. Просили они, чтобы я устроил им встречу с тобой, пресветлым государем.

От этих слов царь поморщился, но продолжал молча слушать князя.

— Но я отказал, сославшись на твое плохое здоровье, а подарки, которые навезли казаки, обещал передать твоей светлости. Долго мы говорили с есаулом с глазу на глаз, обсказал он мне многое из походной жизни разинских казаков.

Царь сперва нахмурился, слушая князя, его одутловатое лицо скривилось в кислой гримасе, но чем больше Долгорукий рассказывал о походе Разина, слышанном от Лазаря Тимофеева, тем лицо его все более оживало, а в глазах появился азартный блеск. А когда Юрий Алексеевич рассказал о победе разинцев над персидским флотом Менеды-хана, царь вскочил со своего места, воскликнул:

— Однако, этот Разин — смелый и дерзкий казак, и ума не лишен! Вот, воеводы, — обратился царь к своим боярам, — простой казак, а что учинил кызылбашам!

Бояре зашушукались, загудели, переговариваясь меж собой, затем Никита Иванович Одоевский громко сказал:

— Надо бы переловить воров-то да всыпать им, как надо, чтобы в следующий раз неповадно было, а этого ихнего атамана-тяпоголова — казнить бы.

Спокойно выслушав боярина, царь сказал:

— Коли казаки возвращаются на Дон, и больше вреда чинить не будут, станицу отпустить с миром, а о прощении вин от моего имени подтвердите. Войско Разина домой пропустить, дабы не чинить новой смуты, а там видно будет...

10

Народ столпился у атаманова струга. Здесь были в основном небогатые, нищие и обездоленные люди великого торгового города Астрахани.

В это время Степан Разин со своими ближними есаулами пировал на палубе струга. Произносились речи, от которых у простых людей становилось на душе радостно и в то же время жутко. В диковинку для многих были речи атамана

и его есаулов. Спорили между собой черные люди, теряясь в догадках, что кроется за словами атамана.

— Не пойму я, мужики, атамана. Куда он клонит? — сказал высокий рыжебородый, кривой на один глаз ярыга, стоящий у струга среди толпы астраханцев.

— А что ж, милоч, тебе непонятно?! — с удивлением спросил кривого другой ярыга — небольшого роста, с взлохмаченными волосами.

— А то, что атаман то пирует с большими людьми города, в любви и приятстве им клянется, а то, как сейчас, слышишь — на чем свет всех ругает: и воевод, и купцов, и стрелецких начальников.

Ярыга усмехнулся и, постучав себя по лбу кулаком, ответил рыжебородому:

— Эх ты, голова! Зачем же атаману воевод ругать при воеводах? Тогда они его с войском не выпустят от Астрахани и злодейство над казаками учинят.

Рыжебородый хмыкнул, потоптался на месте, медленно соображая:

— А ведь и правда!

Ярыга, сверкнув зелеными глазами, воскликнул:

— Во, во, ты подумай! Степан Тимофеевич не дурак, чтобы ссориться с астраханским начальством, — затем, показав пальцем на струг, крикнул:

— Смотри, смотри: атаман сейчас говорить народу будет.

Рыжебородый резко повернулся в сторону струга и уставился на Разина, подходящего к борту лодки с чаркой в руке.

Атаман был в расшитом золотой канителью кафтане, при дорогой сабле, опоясан алым аксамитом, на плечах накинута соболья шуба с нацепленными на нее украшениями.

Держа чарку с вином, не спеша, он подошел к борту струга. Его подвижное, смуглое лицо и черные, почти до плеч, кудри делали его в этот миг по-мужски красивым. Густая седина в черной бороде и усах дополняла мужественный облик славного атамана.

— Братья! — бросил он густым басом в толпу.

Астраханский народ притих, прислушался, замолкли разговоры, смех и споры.

— Пью за волю! — крикнул атаман и залпом осушил чарку, отдав пустую стоящему рядом Ефиму, продолжил: — Астраханский люд, придет еще времечко, и мы посчитаемся с вашими обидчиками и мучителями, посадим в воду воевод да стрелецких начальников, а вам всем дадим волю, и будете вы жить по казацкому обычаю, делить все поровну, судить всем миром! Любо ли я говорю вам, люди астраханские?!

— Любо! Любо! — закричали из толпы.

Но вот к стругу пробился какой-то мужичонка, оборванный, в лаптях, и торопливо заговорил:

— Батько! Батько! Степан Тимофеевич!

Разин, заметив мужика, спросил:

— Что тебе, милоч?

— Воевода Прозоровский пожаловал, вон уж подъезжает к твоему стругу, — и показал на князя со свитой.

Иван Семенович слез с коня, бросил поводья одному из дворовых, услужливо подскочившему к князю, пошел к атаманову стругу.

По мосточку Разин спустился с лодки навстречу воеводе, величая его, взял под руки, повел на свой струг, подвел к столу, поклонившись, подал чарку. Прозоровский, выпив вино, как зачарованный стал смотреть на соболью шубу Разина. Воеводе вдруг очень захотелось иметь такую шубу, да так захотелось, что его забила мелкая дрожь. Дрожащей рукой он потянулся к дорогому меху, погладил его сухой костлявой ладонью. Ворс на шубе был мягким, искристым и переливался. Неожиданно для самого себя с волнением в голосе, почти умоляюще, произнес:

— Подари шубу-то, атаман?!

Разин в ответ ничего не сказал, промолчал, как бы не слыша воеводу.

— Подари шубу-то! — почти взмолился Иван

Семенович.

Насмешливо поглядев на воеводу, Степан ответил:

— Не гоже тебе, воевода, у меня, простого казака, подарки выпрашивать. Шуба эта не продается и не дарится. Я ее в бою саблей взял. Да и больно шуба-то хороша, греет знатно, а сейчас, сам знаешь, холода наступают, — и атаман погладил рукой дорогой мех.

— Подари, Степан Тимофеевич, — неотступно просил Прозоровский, — а я тебе в чем-нибудь другом услужу. Ведь от нас, воевод, многое зависит. Как мы на Москву отпишем, так и будет. Знай, атаман, кому добро творить.

— В гостях, воевода, гостить — не свою волю творить. Не отдам тебе шубу, — багровея в лице, ответил Степан.

— Эх, атаман, атаман, из-за шубы дело свое загубишь! — пригрозил воевода.

Не стал больше Разин спорить с Прозоровским. Рывком скинул с плеч шубу, бросил ее воеводе в руки:

— Сладко, Иван Семенович, проглотил, да горько выплунешь! — в сердцах сказал атаман.

Не расслышал последних слов атамана астраханский воевода, так и впился руками в подарок и заспешил со струга к своему коню. Заулюлюкали вслед ему казаки, а Ефим, заломив

баранью шапку с красным верхом, запел, приплясывая на палубе:

*Ты поди, моя коровушка, домой,
Пропади, моя головушка, долой.
Ай, ди-ли-ли, калинка моя!
В саду ягода-малинка моя!
Уж как все мужья до жен добры:
Покупали женам черные бобры.
Ай, ди-ли-ли, калинка моя!
В саду ягода-малинка моя!..*

Весело пел казак вслед уходящему воеводе Прозоровскому, а тот, ухватив жадными руками драгоценный подарок, казалось, ничего не видел и не слышал. Опомнился князь уже у себя на воеводском дворе, вспомнил улюлюканье, насмешки казаков и залихватскую песенку, побагровел в лице, но, взглянув на шубу, погладил ее гладкий искристый мех, отошел душой и подумал про себя уже беззлобно:

— А черт с ними, с казаками. Что мне с ними, детей крестить?

* * *

Долго еще казаки потешались над воеводой, высмеивали его жадность. А атаман ругал

Прозоровского принародно самыми последними словами, грозился расчитаться с воеводою. Дивился на все это астраханский народ и радовался, что есть человек, который не только не боится начальников, но и защитит их может.

Иван Красулин тоже гулял с ближними есаулами атамана, пил вино, вместе со всеми потешался над воеводой. Вглядевшись в толпу, есаул заметил Данилу. Тот долго разговаривал о чем-то со стрельцом, часто кивая в сторону казацкого лагеря, затем они расстались и служилый пошел в город. Данило немного покрутился в толпе и тоже направился к городским воротам.

Ивана Красулина до сих пор разбирало любопытство: тогда у Анны все-таки был Данило, или это ему померещилось? Есаул незаметно сошел со струга и поспешил за Данилой. Тот шел, не оглядываясь, так что Красулину не приходилось прятаться, чтобы его не заметили. Вскоре они вышли на базарную площадь, где велась оживленная торговля и было немало народу, в том числе, и разинцев. Они предлагали покупателям добытый в походах товар. Некоторые казаки, собравшись в кружок, пили вино, вспоминали былой поход в персидские пределы. То и дело были слышны взрывы хохота развеселившихся казаков. Многих из них Красулин знал. Завидев его, разинцы наперебой приглашали в свой кружок

испить доброго вина. Немного отвлекшись, Иван потерял из вида Данилу и стал кружить по базарной площади, чтобы найти преследуемого. Наконец, поняв, что его затея напрасна, решил зайти к Анне Герлингер. Пройдя тихими улочками и свернув в проулок, Иван остановился напротив дома своей зазнобы. Ворота были приоткрыты, и есаул незаметно проник во двор. На подворье никого не оказалось. Казак вошел в дом, прошел в горницу. Анны там не было, только лишь за боковой дверью раздавались приглушенные голоса: один — мужской, другой — женский. По возбужденному разговору чувствовалось, что они спорили и при этом часто упоминали имя Степана Разина.

Красулин приблизился к двери, прислушался, пытаясь разобрать суть речей, и узнал мужской голос. Он принадлежал Даниле, теперь в этом Иван не сомневался. Разобрать же, о чем говорили, было трудно. Есаул прижался к двери, приложил ухо, снова прислушался. Но дверь была не заперта, а просто прикрыта, и под мощным телом есаула, протяжно заскрипев, приоткрылась. Говорящие смолкли, женщина метнулась к двери, а мужчина исчез неизвестно куда, видно, где-то был выход.

Сделав глупое, недоуменное лицо, Красулин попытался заглянуть в боковую дверь:

— Пришел к тебе, зазноба, в гости, а тебя нигде нет, — и как бы между прочим спросил: — С

кем это ты тут жарко спорила?

Анна сперва растерянно посмотрела на незваного гостя, но, узнав его и овладев собой, мило улыбнулась:

— А, это мой дворовой работник. Бестолковый такой попался: ему говоришь одно, а он тебе другое.

— Куда же ты его так быстро отослала? Что-то я его ни разу у тебя не видел. Али другой какой работник? — сверкнув глазами, вдруг заявил Иван.

Анна игриво ответила, слегка прижавшись бедром к Красулину:

— Не ревнуешь ли ты меня, ненаглядный? — и нежно заглянула в глаза есаулу.

Анна, действительно, очень любила Ивана Красулина. Ночами думала о нем, плакала в подушку из-за того, что не могла полностью принадлежать ему, так как не хотела жить обыкновенной жизнью. Ее активная натура требовала дел, и она их или находила, или придумывала. Здесь, в этом домике, она плела свои хитроумные сети, обременяя себя новыми деяниями. А с тех пор, как ее нелюбимый муж, наемный солдат Герлингер, где-то сгинул на Волге, гоняясь за разинцами, женщина и вовсе увлеклась политикой, участвуя в заговорах и интригах астраханских воевод. Сейчас ее захватила борьба с

мятежными казаками, и она принимала непосредственное участие в разработке вариантов уничтожения самого Разина.

Она, как простой истец, ходила по базарной площади и пристани, прислушивалась к разговорам казаков и простого люда, а потом рассказывала обо всем слышанном воеводе Прозоровскому или дьяку Игнатию. Нельзя сказать, что Разин был ее личным заклятым врагом, она питала к нему смешанные чувства. Ее почему-то тянуло к этому сильному человеку. Анна искала встречи с ним и боялась ее. Временами она ненавидела его, завидуя известности атамана и уважению к нему людей, а иногда возмущалась тем, что мужчина ни разу не обратил на нее внимания.

Анна неоднократно старалась подойти к нему как можно ближе, но атаман почти не задерживал на ней взгляда, и это ее бесило, задевало за живое, да так, что она все больше разжигала в себе вражду к атаману.

Красулин не стал выпрашивать у женщины, кто же был у нее, да и ни к чему ему это. Есаула неотступно сверлила мысль: «Что-то тут не чисто! Какие тайные дела у Данилы с Анной? Надо бы присмотреться и вызнать, что они задумали. Часто поминали они имя Разина. К чему бы это?..».

Анна нежно обвила руками Ивана Красулина и прошептала ему на ухо:

— Люб ты мне, Иванушка! Ненаглядный ты мой, — и нежно поцеловала есаула в губы.

Красулин отстранился от женщины — в данный момент ему не хотелось ее ласк. Подозрение, закравшееся в душу, сильно беспокоило Ивана, возбуждало воображение. Только сейчас он понял, что, казалось бы, безобидная женщина ведет какую-то другую жизнь, что она, оказывается, не просто баба, какую он ее раньше считал. На самом деле, у нее есть нечто свое, о чём он ничего не знал. Иван пристально взгляделся в женщину, и от его взгляда Анна смутилась:

— Что ты так смотришь на меня, будто впервые видишь?

Есаул тихо ответил:

— Как будто ты впервые моя зазноба.

А про себя подумал Иван: «За Данилой надо бы присмотреть да рассказать обо всем Черноярцу. Тот казак с головой, бывалый, может, и распутает что в этом тайном деле».

11

Разин уходил из Астрахани гораздо раньше, чем предполагалось. Этого хотели и казаки, и воеводы. Прозоровский понимал, что дальнейшее пребывание казаков в городе становится опасным,

поэтому не стал требовать от атамана выполнения всех предъявленных ранее условий, а торопил его с уходом на Дон.

Покидал славный атаман великий торговый город как победитель — при пушках, со всем своим войском, со всем захваченным в походе богатством и ясырем.

Перед тем, как уйти из Астрахани, ходили казаки в город уже не торговать. Крутились они около крепостных стен, ворот, подходили к пушкам, разглядывали укрепления, вели тайные разговоры с бедным людом.

И вот уже разинские струги готовы к отплытию. Казаки прощались с астраханским народом, пили походную чарку и крепко обещали голому люду вернуться назад, чтобы избавить его от воевод да стрелецких начальников.

Доносили истцы про все это воеводе Прозоровскому: дескать, снова затевает что-то Разин, но никто толком не знал что, да и откуда им было знать про тайные думы атамана.

Провожать Разина на пристань пришел сам Прозоровский со своими воеводами, дьяками, стрелецкими начальниками. Князь подвел к Разину своего сотника и сказал как можно громче, чтобы слышали все:

— Вот вам в провожатые стрелецкий сотник Леонтий Плохой с пятьюдесятью стрельцами. Это

чтобы по пути вы не натворили худа.

Сменился в лице атаман, заходили желваки на скулах, расширились ноздри, зажглись глаза недобрым огнем, но пересилил он свой гнев и ответил шуткой:

— Зачем нам, воевода, столько провожатых, разве мы сами дороги на Дон не ведаем?

— Волей государя нашего Алексея Михайловича, поплывет с вами охрана, чтобы не учинил ты на Волге лиха, не дурил, не мутил народ.

Хотел Степан резко ответить воеводе, уже и надумал, что скажет, но только сила была на стороне князя. Стиснул зубы атаман, сверкнул глазами, а на открытую вражду не пошел, процедил сквозь зубы:

— Что ж, князь, пусть плывут. Только неуютно им будет с нами. Сам знаешь: не очень-то казаки жалуют служилых.

Ничего не ответил воевода атаману, отвернулся от Разина, стал что-то спрашивать у князя Львова. Затем обратился к Степану:

— Идучи на Царицын, чтобы никаких людей к себе не принимал и на воровство не подбивал. К государевым людям, купцам и другому народу, что плывет по Волге на Астрахань, чтобы не домогался и никакого вреда и обид не чинил, и великого государя Алексея Михайловича опалы на себя не наводил.

От слов воеводы, сказанных принародно, Степана корбило: он еле сдерживался, чтобы не рассердить Прозоровского. Грозно глядел темными очами на князя да в страшной злобе сжимал рукоять сабли.

Видя, что в любую минуту может случиться непоправимое, рассудительный Иван Черноярец постарался как можно скорее увести Разина от воеводы.

— Что, Степан Тимофеевич, отчаливать будем? — громко спросил первый есаул и повернулся к воеводам. — Прощайте! До скорой встречи! — почти крикнул он и, ухватив за локоть, потянул за собой упирающегося Разина на струг. Кровь уже ударила в лицо атаману, он находился на грани безумной вспышки гнева, а в такие минуты был опасен и мог натворить много нехорошего.

— Пора, пора, Тимофеевич! Пора уходить! — приговаривал Черноярец, увлекая за собой атамана.

— Сволочь! Ах ты сволочь! — хрипло вырвалось из горла Разина. — Я тебе покажу провожатых! Всех утоплю, как кутят! Дай только отойти от Астрахани!

Черноярец и Разин поднялись на струг. Есаул облегченно вздохнул, вытер рукавом выступивший от напряжения пот, подумал про себя: «Кажись, пронесло!» — и покосился на атамана.

Разин уже отошел от гнева, во многом

благодаря почету и уважению, проявленному к нему астраханцами — люди махали шапками, руками, платками, а некоторые, смахивая набежавшую слезу, кричали вслед:

— Благодетель ты наш, защитник! Не уходи от нас!

— Оставайся, заступник наш!

— Кто теперь за нас постоит, защитит от начальства и воевод?

Разин же, видя преданность и любовь к нему простого народа, снял папаху, помахал ею:

— Жди меня, народ астраханский, скоро приду к вам, а вы будьте готовы!..

Наконец, разинские струги отчалили от берега и стали выгребать на середину реки. Казаки начали поднимать на лодках разноцветные паруса. Выстрелили на прощание разинцы из фальконетов, а в ответ гулко ответили астраханские крепостные пушки.

Ходко пошли вверх по Волге казацкие струги, торопясь домой, на вольный Дон. А за ними поплыли приставленные астраханским воеводой пятьдесят стрельцов во главе с сотником Леонтием Плохим.

Уходил Степан Разин из Астрахани с затаенной злобой на Прозоровского за его жадность и высокомерие, думая про себя: «Сволочь боярская, даже по-человечески не попрощался! Цепной пес!

Придет время, мы еще с тобой посчитаемся!».

Зато тепло вспоминал о князе Львове после того, как они уговорились встретиться поговорить о делах. Встреча эта произошла вечером на атамановом струге. Князь подъехал верхом на жеребце, переодетый в платье стрелецкого сотника. Разин заранее знал о встрече от человека, которого воевода прислал накануне.

Тайные переговоры атаман и воевода вели с глазу на глаз. Разин на эту встречу больших надежд не имел, но думал: «Попытка — не пытка. Всякое может быть». А что думал воевода, было известно только ему самому. Может, хотел еще посулов получить, может, примерялся отомстить за свои обиды. Только пришел боярин на встречу, а Разину уже одно это было очень важно. Пусть видят казаки: каков их атаман, что даже большие люди идут к нему за советом.

Долго тогда разговор меж ними не клеился. Они пристально присматривались друг к другу, молча выпили одну чарку, другую.

Наконец, Степан спросил:

— Ведаешь ли ты, Семен Иванович, зачем созвал я тебя?

— Нет, атаман, — коротко ответил князь.

— Надобно мне знать, воевода, о тайных намерениях Прозоровского против нас, и действительна ли грамота о прощении грехов

наших от государя.

Львов резко повернул голову в сторону атамана, брови его вопросительно взлетели вверх, но он промолчал. Атаман не понял: то ли вопрос был неожиданен для князя, то ли очень прост.

Но вот Семен Иванович, улыбнувшись, сказал:

— В грамоте, атаман, не сомневайся, она подлинная. А тайных намерений пока астраханский воевода против вас никаких не имеет. Сдавайте все требуемое в приказную палату и уходите побыстрее на свой Дон.

Атаман хмыкнул:

— Знать, Прозоровский хитростей никаких на нас не уготовил?

— Не уготовил, атаман, живите спокойно, а как справите все свои дела, на Дон с миром уходите.

— Еремка! — крикнул атаман во всю глотку.

— Здесь я, батько, — откуда ни возьмись, появился молодой казак.

— Принеси посулы боярину — те, что я приготовил для него, и проводи потом до коня.

Разин и Львов встали, направились к мосточку, что вел со струга. На прощание Степан сказал князю:

— Семен Иванович! Если что там затеет астраханский воевода Прозоровский, сообщи,

пошли верных людей.

Ничего не ответил князь, промолчал, но Степан без слов понял, что воевода согласен ему помогать.

Львов понравился Разину своей степенностью, внутренней силой, ненавистью к Прозоровскому, которую атаман почувствовал. А также ощутил он затаённую в душе князя обиду на московских бояр. Это их объединяло. Хотя о том, что их сближало, не было сказано ни слова.

Уносил славный атаман в душе не только тепло и жалость к простым людям, а также надежду и веру, что он еще вернется в Астрахань, раз здесь ждут его как защитника и избавителя.

Только город скрылся из виду и казаки почувствовали, что воеводы далеко, а они теперь единственные хозяева на Волге, потребовал атаман на свой струг Леонтия Плохого. Сидел Разин в кругу своих есаулов, пил вино за удачный поход. Казаки горланили разудалые песни. Но, как только подвели к атаману сотника, все смолкли. Степан долго в упор смотрел на своего провожатого, затем велел налить служилому чарку лучшего вина.

Небольшого роста, коренастый, добродушный лицом и по складу характера, стрелец Леонтий был наделен опытом жизни и умом. Он понимал, что сейчас от его поведения зависит, может быть, жизнь его и пятидесяти стрельцов. Поэтому, держа чарку в

руке, Леонтий низко поклонился атаману и его есаулам и крикнул:

— За славного атамана Степана Тимофеевича!

Грозное лицо Разина изменилось, он широко улыбнулся:

— От бес, сотник, угодил все-таки атаману! А я уж хотел тебя в воду сажать. Больно крепко обидел меня Прозоровский! Да ладно уж — бог с ним! Садись рядом со мной — гулять будем.

* * *

Данило, брат Анны Герлингер, с разинским войском в стругах не поплыл, а по приказу воеводы Прозоровского был оставлен на время в Астрахани, чтобы получить новые указания на тайное дело против казацкого атамана. Разговор Данилы с воеводой и дьяком Игнатием состоялся вскоре после ухода казаков из Астрахани, в приказной палате.

Прозоровский сидел в кожаном кресле, полускрыв глаза, как бы дремал.

Дьяк сказал:

— Слава тебе, господи, черт унес этих казаков, как будто камень свалился с души.

Князь встрепенулся, перекрестился на образа, взволнованно произнес:

— Пронес господь нечистую силу над нашими

головами. Чтоб их там черти съели, этих проклятых воров и изменников. Боюсь я, как бы на Волге, без хорошего догляда, не взялся бы супостат за старое.

Данило сидел рядом с дьяком Игнатием на дубовой лавке, опустив голову, вслушивался в речи дьяка и воеводы. За последнее время он осунулся, потерял бравый вид, померкла в глазах наглая дерзость. Берясь за тайное дело против Разина, он и не предполагал многих трудностей, которые встретил. В круг есаулов, близких людей атамана, он не сумел войти. О думах и намерениях Разина не мог узнать, ибо тот никогда не высказывал своих истинных мыслей, хотя говорил многое и разное. Убить Разина было еще сложнее, так как атаман был почти всегда на людях, а если и оставался на какое-то время один, казаки все равно зорко охраняли его покой, не подпуская без надобности даже близких есаулов. Теплилась единственная надежда войти в доверие к атаману, но это было нелегко.

Князь-воевода встал, прошёлся по комнате, кутаясь в соболью шубу, выпрошенную у Разина, затем заговорил:

— Выходит, извести атамана нелегко. Надо выждать, пристально следить за ним, — вкрадчиво посоветовал князь, обращаясь к Даниле.

— Надо его подкараулить и убить, — посоветовал дьяк и поскрёб длинными пальцами

рыжую бородёнку. — Сейчас, Данило, есть такая возможность — нужно идти за Разиным и устроить где-нибудь засаду.

Данило встрепенулся, соскочил со своего места. Затем снова сел на лавку. Лицо его оживилось, по всей вероятности, эта мысль ему понравилась, и он лихорадочно уцепился за неё, уже обдумывая детали. Как бы разговаривая сам с собой, сказал:

— А что, Игнатий, ты советуешь правильно, может, из этого что и выйдет.

Прозоровский, внимательно слушавший собеседников, приказал, обращаясь к Даниле:

— Сегодня же готовься к отплытию с Парфеном Шубиным вдогонку Разину, глаз с него не спускай и постарайся справиться задуманное нами дело.

12

Данило отплыл из Астрахани со стругами полуголовы Парфена Шубина, который по приказу Прозоровского 10 сентября ночным временем тайно вывез в душных трюмах колодников для розыска и наказания в Москву.

Сидел Данило на носу струга, вглядывался в тёмную воду Волги и с тоской думал: «Зря я все-таки взялся за это дело. Теперь и отказаться

нельзя, и исполнить трудно. А не уйти ли мне от всего этого, куда глаза глядят, исчезнуть с глаз долой? Эх, нет, длинны руки у воевод, все равно достанут. Хошь не хошь, а дело придется доводить до конца».

Тут к Даниле подошел Парфен Шубин, хлопнул его рукой по плечу, спросил:

— О чем задумался, Данило?

— Есть о чем, полуголова, мне подумать!

— Говорил мне воевода Прозоровский о тебе.

Велел беречь тебя и помогать.

Данило почесал бороду, внимательно посмотрел на Парфена:

— А о деле моем он говорил тебе?

— Нет, Данило, только велел во всем помогать и везти до Царицына.

Полуголова с любопытством оглядел собеседника и поинтересовался:

— А что это за дело такое важное поручил тебе воевода, раз так о нем печется?

Данило печально улыбнулся, но ничего не ответил, затем сказал:

— Гляди, Парфен, впереди лодки плывут. Надобно присмотреться, не казаки ли это.

Парфен поглядел на приближающиеся струги:

— Нет, не казаки это плывут, а стрельцы.

Данило опять пристально посмотрел на струги и пробасил: